

Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономиче-
ских и социальных проблем
при Ростовском госуниверситете

А.Г. Дружинин

Теоретические основы географии культуры

Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦВШ
1999

ББК 63.2

Дружинин А.Г.

**Теоретические основы географии культуры.
Ростов-на-Дону: из-во СКНЦВШ, 1999. - 151 с.**

ISBN 5 - 87872 - 037 - X

Публикуемое монографическое исследование главного научного сотрудника Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем при Ростовском госуниверситете, доктора географических наук, профессора А.Г. Дружинина посвящено теоретическим основам географии культуры, проблемам становления данного научного направления в системе российской экономической, социальной и политической географии.

Особое внимание в работе уделено выявлению особенностей, факторов и тенденций «культуризации» географии, раскрытию приоритетных направлений геокультурного анализа, изложению основ концепции территориальной организации культуры.

Издание носит междисциплинарный методологический характер и ориентировано на географов, культурологов, историков.

Д - 01 (03) - 99

Без объявл.

ББК 63.2

© А. Г. Дружинин, 1999

Оглавление

Введение	4
1. Становление географии культуры в системе российской географической науки.....	8
1.1. «Культуризация» географической науки: предпосылки, особенности, этапы	8
1.2. География культуры в системе современ- ной экономической, социальной и политической географии	23
1.3. Основные направления и приоритеты геокультурных исследований	37
2. Территориальная организация культуры как географическая реальность и понятийно- терминологическая концепция	55
2.1. Основы концепции территориальной организации культуры	55
2.2. Понятийно-категориальный аппарат геокультурных исследований (общие подходы)..	73
3. Основные особенности и закономерности территориальной организации культуры	96
3.1. Культурный регионализм: причины, тенденции и основные проявления	96
3.2. Пространственная поляризация культуры	109
3.3. Культурные инновации как «двигатель» и индикатор геокультурного процесса	126

Введение

Культура - одно из наиболее фундаментальных, всеобъемлющих (независимо от того, идёт ли речь о жизнедеятельности конкретного человека, либо о бытии социума в целом) понятий. Всё многообразие проявлений преобразованной в ходе социогенеза планетарной реальности и, даже, само её восприятие общественным сознанием - неизменно детерминировано культурой, несёт на себе своеобразный «отпечаток» этого саморазвивающегося и всепроникающего феномена. Именно с культурой связаны первопричины, следствия и механизмы разрешения всей палитры проблем современного общества вне зависимости от их остроты, масштабов и иной конкретики. Это закономерно выдвигает культурологическую проблематику в число наиприоритетнейших направлений научного поиска.

Как и любое планетарное явление, культура - территориальна, т.е. испытывает на себе полномасштабное воздействие географического фактора, пространственно дифференцирована и особым образом организована, развиваясь и функционируя в специфических, имманентных ей территориальных формах. В этой связи столь необходимый в условиях современной России общий «поворот» к культурной проблематике (на фоне спонтанно

актуализирующихся этнокультурных, эколого-культурных, политико-культурных и иных проблем) напрямую связан с научной разработкой разнообразных географических аспектов культуры, становлением в структуре географии её специализированного раздела (субдисциплины) - **географии культуры (ГК).**

Отмечая растущий интерес российских географов к геокультурной проблематике, приходится, одновременно, констатировать, что исследования в сфере ГК пока во многом продолжают носить фрагментарный, в значительной степени постановочный характер, неадекватный ни насущным потребностям практики, ни логике развития самой географической науки. Основным «тормозом» в познании геокультурной реальности во всех её разнообразных региональных и локальных проявлениях, видении её динамики, понимании особенностей и закономерностей территориальной организации культуры (помимо общих факторов, инициирующих кризис отечественной фундаментальной науки в постсоветский период), полагаем, является недостаточная степень проработанности вопросов теории и методологии геокультурного анализа, слабая степень «укоренённости» представлений о культурологическом аспекте географии в научном сообществе, отсутствие системных взглядов на феномен ГК, его место в системе научных дисциплин, приоритетную тематику.

Попытка изложения теоретических основ ГК в данном монографическом исследовании продиктована, в этой связи, не только стремлением восполнить указанные выше «пробелы», тиражировать выкристаллизовавшиеся за полтора десятилетия авторского «погружения» в геокультурную проблематику теоретические конструкции, взгляды, идеи, но и желанием заострить внимание на культурологическом аспекте (компоненте) современной российской географии, вынести вопросы становления ГК, формирования её теории в активное дискуссионное поле, пригласить коллег к заинтересованному обсуждению настоящего и будущего данной субдисциплины, к серьёзному и продуктивному диалогу.

Публикуя данную работу, автор хотел бы высказать слова искренней и глубокой признательности моему научному руководителю Президенту Русского географического общества, профессору, заведующему кафедрой Санкт-Петербургского университета, доктору географических наук, яркому учёному, лидеру национальной экономической географии и талантливейшему педагогу *Сергею Борисовичу Лаврову* за его неизменное участие в моей научной судьбе, всестороннюю поддержку в становлении геокультурологического научного направления.

Сердечная благодарность и моим старшим коллегам по Северо-Кавказскому НИИ экономи-

ческих и социальных проблем при РГУ, Заслуженному деятелю науки РФ, профессору, доктору экономических наук **Виктору Николаевичу Овчинникову** и Заслуженному работнику Высшей школы, профессору, доктору экономических наук **Юрию Семёновичу Колесникову**, замечательным руководителям и настоящим учёным, создавшим и сохранившим наш институт, культивируя в нём удивительную атмосферу междисциплинарного научного поиска.

1. Становление географии культуры

в системе российской географической науки

1.1. «Культуризация» географической науки: предпосылки, особенности, этапы

Растущий интерес к культурологической проблематике, стремление раскрыть закономерности развития и функционирования культуры как географического явления, характерное ныне для отечественной географической науки - не случайны, а обусловлены целым рядом обстоятельств. Прежде всего, и наша страна, и планетарный социум в целом все в возрастающей мере сталкиваются с глобальными и региональными культурными по своему генезису и сути проблемами. Спонтанный рост культурной взаимозависимости и обострение культурного (этнокультурного, социокультурного) регионализма, неослабевающая угроза экологического, продовольственного, сырьевого кризисов, приоритеты научно-технического прогресса - все это многократно актуализирует культурную тематику, требует перенесения акцента (в научных исследованиях, идеологии, политике, социально-экономической практике) на качественные стороны жизнедеятельности общества, всего планетарного социоприрод-

ного бытия. Причем в России, с её исключительной геокультурной «мозаичностью», в период, когда налицо все признаки глубокого кризиса сложившейся системы русской культуры, потребность в широкомасштабном интердисциплинарном «освоении» культурологической тематики объективно особенно остра.

Необходимость приоритетного развертывания геокультурных исследований в нашей стране определяется ещё одним существенным обстоятельством. Становление культурно-географической проблематики в качестве составляющей географического научного знания - процесс закономерный, имеющий общепланетарное (захватывающий все без исключения национальные сообщества географов) проявление. Правоммерно, при этом, говорить и об универсальной (общемировой) траектории формирования географии культуры (либо «культурной географии», учитывая, что и подобное словосочетание имеет достаточно широкое хождение), и о специфических тенденциях становления геокультурных подходов в рамках конкретных государств, национальных научных традиций и школ. По особому и очень непросто складывалась судьба географии культуры (ГК) в системе российской географии, что предопределило её существенное отставание в исследуемой сфере.

Говоря о развитии ГК в планетарном мас-

штабе, следует отметить, что самостоятельное звучание геокультурологические идеи приобретают только со второй половины XIX -го века благодаря усилиям ряда европейских культурологов, опиравшихся на географические подходы (Л.Фробениус, Ф. Гребнер, А. Кребер, М. Херсковиц и др. [13]), и географов (А.Майцзена [110, 111], Ф. Ратцеля [115], Э. Ханна [107], Р. Градмана [105], Д. Марша [109], М. Соррэ [119].) К началу 20-го столетия культурологические направления получают «прописку» и в географии США, что не в последнюю очередь связано с разноплановыми, фундаментальными по своему характеру работами К. Зауэра [116, 117].

В последующий период «культурная география»¹, развиваясь по многим направлениям, все в возрастающей мере утверждала свой статус особой научной субдисциплины. Четко обозначились и основные приоритеты в исследованиях: ак-

¹ Данный термин общеупотребим на Западе при обозначении специализированного на культурологической тематике раздела географии. Вместе с тем, более предпочтительным нам представляется использование словосочетания «география культуры», чётче ориентирующего на конкретное направление исследований, подчеркивающего определённую обособленность геокультурологической дисциплины в системе географии, лучше отражающего реалии отечественной науки, отличающейся пока еще слабой укорененностью культурологических приоритетов и подходов. В этой связи мы сочли возможным оперировать термином «культурная география» в строго ограниченном контексте: при рассмотрении истории и современного состояния зарубежных культурно-территориальных исследований.

цент на ландшафтном и историко-географическом анализе, первостепенное внимание вопросам взаимодействия человека и окружающей среды, углубленное изучение руральных территорий и в целом ареалов распространения традиционных культур.

Сами геокультурологические подходы активно внедрились, при этом, в «смежные» разделы географии, регионалистики. Исследование отдельных культурных явлений (особенно языка, религии, этнокультурных различий, образовательного уровня населения и др.) превратилось, по существу, в неперемный атрибут всех страноведческих работ. Во многом за рамки собственно географического анализа вышли посвященные вопросам культурного районирования публикации Р. Гастила [103], В. Зелинского [121].

«Культурная география» активно включилась, также, в разработку проблематики взаимодействия различных субкультур, в том числе и на локальном уровне, рассмотрение городских поселений как специфических культурных районов и их группировку на этой основе, изучение географии спорта (последний определяется, при этом, как феномен человеческой культуры [112]), в анализ рекреационных районов с позиций их соответствия культурным запросам рекреантов, в отслеживание социально-культурного влияния массового туризма на принимающие районы [120],

исследование культурной адаптации [108] и культурных конфликтов [113] и многие другие аспекты.

На фоне доминанты дезинтеграционных тенденций («расползания» субдисциплины «вширь») в последней четверти нашего столетия усилился интерес к науковедческим аспектам «культурной географии», вопросам её методологии [104, 106, 112, 114, 118 и др.]. Это, в свою очередь, способствовало укреплению позиций культурологической ветви в международном географическом научном сообществе, повышению её статуса, наглядным подтверждением чему служит вынесение «культурной географии» в качестве самостоятельной проблематики в структуре Международных географических конгрессов.

Если обратиться к российской ретроспективе, то здесь фиксируется лишь принципиальное, самое общее соответствие планетарным тенденциям. Траектория становления ГК в нашей стране определялась не только общим вектором саморазвития географии, её внутренней логикой, предполагающей, в частности, появление в структуре научной дисциплины самостоятельного культурологического «блока», но и мощными внутренними (относящимися к истории России и её науки) факторами. Их учёт, равно как и анализ меняющихся доминантных взглядов и представлений о ГК в отечественной географии, отслеживание публика-

ций по исследуемой проблематике позволяют вести речь как минимум о *четырёх специфических стадиях формирования* (а точнее сказать, вызревания) *национальных геокультурологических подходов*.

Характерной особенностью *первой* из них, полагаем, была высокая степень сближенности научных позиций (в сфере геокультурной проблематики) российских учёных со сложившейся к тому периоду общеевропейской (и, соответственно, мировой) исследовательской традицией.

Развиваемые преимущественно в рамках антропогеографии и тесно взаимосвязанной с ней этнографии усилиями В.Г. Богораза-Тана, А. А. Крубера, А. Д. Синицкого, В.П. Семенова-Тян-Шанского, ряда других известных российских географов, культурологические подходы, вкуче с целым рядом не менее перспективных научных направлений (геополитика, центрографический метод и др.), тем не менее, уже к концу 20-х годов нашего столетия попадают «под каток» официальной идеологии и более чем на полвека оказываются практически преданными забвению.

Культура как географическая реальность - многолика. Учет геокультурных факторов в научном исследовании, при выработке политических либо хозяйственных решений по существу исключает унитаризм, схематизированные подходы, столь свойственные тоталитарному сознанию; и уже лишь одно это предопределило оппозицию культуры административно-командной системе. Для ре-

жима, привыкшего жонглировать количественными показателями, изучение культуры было, впрочем, неприемлемо и в силу её способности выступать своеобразным качественным «срезом» социального процесса. Наконец, культура - явление самоорганизующееся, самым своим бытием оспаривающее претензии тоталитарной идеологии на социальное «управление» в наиболее полном и, оттого, в предельно антигуманном его понимании. И это, полагаем, основные причины отказа от антропологических и культурологических подходов, традиционных для дореволюционной российской географии, в советский период. В результате ГК не только не оформилось в одно из ведущих направлений отечественной географической научной мысли (а объективные условия для этого, в частности, уникальное по сравнению с другими странами сочетание разнообразных способов деятельности, этнических и региональных культур, - были, как, впрочем, существуют они и теперь), а, напротив, сама геокультурная проблематика надолго выпала из поля зрения советских ученых. "Человека забыли !!!" [11, С. 35]. Подобная оценка ситуации, данная известным экономико-географом Н. Н. Баранским почти полвека тому назад, к сожалению, во многом сохраняет актуальность и в наши дни в условиях заметно «социологизирующейся» географии.

Взгляды Николая Николаевича Баранского на культурологическую проблематику как непреходящий атрибут комплексного экономико-географического исследования, предпринимаемые им попытки внедрить сам термин «культурная география» в «язык» советской географической науки [10] многие годы разительно контрастировали с общей ситуацией практически полного

(практически, поскольку о социо-культурной географии писал Р.М. Кабо [52], важность учёта культурных аспектов отмечал Ю.Г. Саушкин [82]) игнорирования геокультурной тематики, произвольного сужения предметной сферы обществоведческой «ветви» географии. В итоге, в течение почти пяти десятилетий (с начала 30-х до конца 70-х г.г.) как таковой географии культуры в СССР практически не существовало (и, в этой связи, данный временной отрезок также может быть классифицирован как специфический, *второй* по счёту этап становления отечественной ГК), что наложило отпечаток и на последующее развитие данного исследовательского направления.

Период этот вряд ли уместно обрисовывать лишь в темных красках (так, к примеру, становление районной школы экономической географии по существу предвосхитило последующее распространение системного подхода, наблюдался прогресс и в других сферах географической науки). Невозможно, тем не менее, и проигнорировать пагубное воздействие тоталитарного сознания на развитие географической науки в советский период, на её методологию, теорию, методы исследования, структуру и т. п. Выполняя навязанные ей функции «научного обслуживания» властных интересов и представлений, сталкиваясь с недостоверностью и скудностью информации о реальных территориальных процессах в стране, советская география претерпела серьезную качественную деформацию (А.Г.Исаченко ставит данный вопрос жестче, говоря о деградации науки [51]). Впрочем, критическая историография нашей науки - большая, самостоятельная и практиче-

ски неосвоенная исследовательская сфера, пока лишь обозначенная немногочисленными разноплановыми публикациями [51, 58, 67, 77, 102].

Интерес к ГК начал возрождаться лишь с конца 70-х - начала 80-х годов. «Знаковой», существенно повлиявшей на общее восприятие геокультурной проблематики научным сообществом, стала, полагаем, концептуальная статья В.М. Гохмана, в огромной мере посвящённая вопросам именно геокультурной теории [27].

Последующее десятилетие (*третий* этап), ознаменовавшееся кардинальными трансформациями в общественном сознании, политической и иных сферах, явилось, по существу, периодом своеобразного, идущего в общем русле «социологизации» и «гуманизации» науки, «признания» ГК (идея о желательности и обоснованности культурологического направления в географии в 80-е годы становится доминантной [22, 62, 96 и др.]). Одновременно публикуется ряд постановочных (посвящённых основам методологии ГК) работ [18, 19, 37, 38, 39, 40]; культурологические по сути подходы начинают просматриваться в целом ряде экономико-географических исследований [2, 5, 8, 14, 15, 26, 33, 57, 71, 75, 76, 78, 94, 97, 98 и др.]. Всё это позволило говорить об обозначившейся тенденции «культуризации» отечественной географии [41].

«Возвращение» Человека в географию, утверждение

соответствующей тематики в качестве «стержневой» в исследованиях - это не только демографическая параметризация территории, либо изучение социальной инфраструктуры, но и анализ образа жизни, традиций и в целом культуры в самом широком ее понимании. И для этого окажутся явно недостаточными ни «рамки» географии населения, ни, даже, социальной географии, поскольку проявляется «Человек» и в экономике, и в политике, и в сфере духовного производства, т. е. во всем многообразии общественного (а фактически, общественно-природного бытия). Поэтому и гуманизация географии во многом связана с обращением науки к культурологической проблематике, становлением соответствующей субдисциплины, т. е. , по существу, с ее культуризацией [37, 41].

Мы рассматриваем культуризацию российской географии как своеобразную компенсационную реакцию на полувековое игнорирование культурологической проблематики. Данная тенденция соответствует и общей логике эволюции научного знания, запросам и приоритетам социальной (социоприродной) динамики конца XX-го столетия. В своей основе **культуризация географии** - это долговременный процесс «освоения» данной научной дисциплины культурологической тематики, становления в рамках формирующейся ГК геокультурологических подходов, концепций, методов, важнейшая составляющая общей коррекции науки в направлении ее гуманизации.

Не заменяя, а дополняя и качественно обогащая ныне «общепризнанные» тенденции развития географической науки (социологизацию, эко-

логизацию и др.), культуризация призвана содействовать не только развитию ГК как специфического направления исследований, но и способна придать соответствующую направленность другим разделам географии, благоприятствовать распространению геокультурного научного подхода и, в конечном счете, содействовать лучшей адаптации нашей науки к меняющимся планетарным реалиям.

Отметим, сама культуризация свойственна не только географии. В последние годы культурологический анализ все в большей мере охватывает различные сферы общественного воспроизводства, что позволяет говорить о культуризации обществоведения в целом. Все явственнее проявляется перемещение традиционной философской проблемы Человека в методологию других наук [92]. Важным фактором культуризации науки является и ее экологизация. Ведь само внимание к Человеку (существо биосоциальному) неизбежно предполагает рассмотрение «человека, общества и среды обитания в неразрывной связи» [63, С. 23].

Следует отметить, что в настоящее время необходимо не только системный анализ взаимодействия общества и природы, но и определение предпочтительных ориентиров развития данной системы, поиск реальных путей и средств гармонизации природопользования. В этой связи экологический и геокультурный подходы к объекту географии способны взаимодополнить и взаимообогащать друг друга. Теоретико-методологические предпосылки подобного взаимодействия заложены еще В.И.Вернадским при разработке концепции ноосферы [91]. Последняя ныне все активнее внедряется в методологию географической

науки [3, 24, 40, 98].

Иллюстрацией процесса культуризации стали и наметившиеся с начала 90-х годов качественные изменения в сфере российской ГК, вступившей в этот период в свой *четвёртый* по счёту (современный) этап. Суть их - в появлении (под воздействием масштабных геополитических и геокультурных изменений в стране, мире в целом) первых, хотя и немногочисленных, тем не менее достаточно «полновесных» культурно-географических по сути и духу исследований, вызревании ориентированных на соответствующую проблематику научных коллективов, центров, школ.

Итогом последнего десятилетия, в этой связи, становится пусть и медленная (оценка В.П. Максаковским [66] нынешнего развития ГК как начальной стадии симптоматична и в целом обоснованна), но, всё же, трансформация ГК из в общем-то абстрактной, оторванной от повседневных исследовательских задач категории, лишенной конкретного теоретического и методического «наполнения» - в дисциплину, пусть и находящуюся на ранних этапах своего формирования, но уже реально нарабатывающую собственные оригинальные подходы, дисциплину, с чьим фактом существования далее невозможно не считаться.

В пространстве современной российской ГК достаточно чётко обозначились *три ведущих цен-*

тра репродукции геокультурологического научного знания: Москва (базовыми институциями здесь выступают Институт географии РАН, МГУ и Институт Наследия), Санкт-Петербург (Санкт-Петербургский ГУ, ряд других вузов) и Ростов-на-Дону (Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем при РГУ).

Московский центр отличают сложившиеся традиции и опора на потенциал столичной академической науки. Характерен для него и высокий уровень интегрированности в общепланетарное научное пространство, «включённость» в реализуемые на межгосударственном уровне (в рамках МГС и др.) исследовательские проекты в сфере ГК. Последнее (создавая условия для разноплановых заимствований в области теории и методов геокультурного анализа) во многом предопределяет основополагающие подходы и приоритеты в проблематике: взгляд на геокультурные явления и процессы сквозь призму понятия «культурный ландшафт» [18, 19], внимание пространственным аспектам отдельных культурных феноменов [21], типов культур [9] и в целом культурному наследию, задействование инструментария поведенческой географии (примером тому - весьма удачная попытка высветить особенности географического пространства на основе анализа русской поэзии [61]), учёт фактора традиции в территориальном

развитии [100] и др. Москва (и прежде всего Институт географии РАН, где в последние годы действует семинар по культурологическим подходам в географии [6]) выступает и эпицентром тиражирования геокультурологических идей и подходов.

Высокую степень восприимчивости к геокультурной проблематике демонстрирует и научное сообщество *Санкт-Петербурга*, города, исторически выступающего в качестве географической «столицы» России. Здесь, в Санкт-Петербургском госуниверситете, на диссертационном совете, успешно прошли защиты первых докторских диссертаций по ГК и смежной тематике [45, 87, 73]. Имеет город и свою научную (в сфере ГК) специфику, заключающуюся в преимущественном внимании к геокультурным процессам и явлениям на планетарном уровне («география цивилизаций» [86], моделирование территориальной социокультурной динамики [73]), в культивировании заложенных Л.Н. Гумилёвым этнологических подходов, сильном «стыке» культурологического аспекта с геополитикой [64], в том числе в связи с осмыслением и популяризацией концепции евразийства [35 и др.] .

С конца 80-х годов геокультурная проблематика активно разрабатывается и в *Ростове-на-Дону*. В эпицентре внимания здесь - формирование теоретических основ ГК [37 - 39], исследова-

ние особенностей географии русской культуры [44, 46, 88, 89], методология и методы эколого-культурного анализа территории [40,42], отслеживание траектории геокультурного процесса на Юге России [47, 48].

Помимо названных городов, геокультурологические подходы наработываются также в Вологде, Воронеже, Ставрополе, Перми и целом ряде других региональных центров России.

Культуризация географии, таким образом, реальна, зрима, полицентрична и уже приносит свои первые плоды. С дальнейшим углублением данной тенденции напрямую связана разработка концептуальных основ и методов анализа культуры как территориального явления, внедрение геокультурологических идей и принципов в научное сознание, развертывание масштабных и разноуровневых геокультурных исследований в стране и, наконец, становление в системе географии специализированного на исследовании географических особенностей и закономерностей развития культуры направления - ГК.

1. 2. География культуры в системе

современной экономической, социальной и политической географии

Фиксация местоположения ГК в системе современного географического научного знания во многом связана с раскрытием сущности рассматриваемой субдисциплины, выявлением её предметной ориентированности. Причём, если абстрагироваться от содержательной сложности и многоаспектности категории «культура», определение самой ГК по существу как бы лежит на поверхности, поскольку, учитывая специфику географии в целом, ГК не может быть ничем иным, как наукой (научным направлением) *о пространственных особенностях, факторах и закономерностях развития и функционирования культуры, о процессах культурно-территориального системообразования, о его предпосылках и следствиях.*

Феномен культуры сам по себе, однако, настолько «ёмок», что базируясь на достигнутом отечественной культурологией понимании сущности культуры¹, ГК целесообразно дать не одно, а одновременно несколько определений. В частности, с позиций *личностного подхода* ГК предстаёт интегративным направлением научного поиска,

¹ В современной культурологической литературе понятие «культура» рассматривается в трех основных аспектах: аксиологическом (как совокупность материальных и духовных ценностей), личностном (как мера развития человека) и технологическом (как способ деятельности). Подходы эти дополняют друг друга.

нацеленным на выявление пространственных закономерностей качественного роста общественных сил и отношений, анализ территориальных условий и факторов развития Человека (как представителя определенной территориальной общности).

Опираясь на *«технологический»* взгляд на феномен культуры, о ГК можно, также, вести речь и как о науке, исследующей географическое многообразие способов человеческой деятельности (включая и способы её территориальной организации). Учитывая особую роль культуры в гармонизации природопользования, возможно и определение ГК как научной дисциплины об особенностях и закономерностях пространственной дифференциации механизмов социоприродной адаптации.

Наконец, уместен и подход к ГК как к науке о территориальных факторах, проявлениях и закономерностях формирования, развития и функционирования особых пространственно-временных образований - геокультурных систем. Заметим, что приведены лишь наиболее важные, на взгляд автора, версии определений ГК, и их перечень может быть продолжен.

Как нет и, по-видимому, в принципе не может быть единого, в полной мере исчерпывающего сущность проблематики ГК её определения, так не существует в настоящий момент и общепри-

знанного представления о месте ГК в системе научного знания. В научной географической литературе о ГК идет речь и как о составной части социальной географии [1, 36], и как об относительно самостоятельной субдисциплине в системе общественной (экономической и социальной географии) [10, 27, 69], и как об общегеографическом научном подходе, позволяющем рассматривать развитие и функционирование геосистем в их диалектическом единстве с пространственными культурными явлениями и процессами, когда сама культура выступает как результат развития территориальных систем, определяет ее направленность, служит важнейшим критерием эффективности [37].

В этой связи важно высветить то общее, что неизменно присутствует во всех без исключения подходах к определению места ГК в современной науке - акцент на устойчивый, системный характер её связей и взаимозависимостей с географической наукой (и отдельными её разделами). Данное обстоятельство подчеркивается и самим названием ГК, фиксирующим внимание на том, что речь идет именно о географии, точнее об особой её составляющей, нацеленной на познание закономерностей развития культуры как территориального явления.

Культура, по справедливому замечанию философа В.М.Межуева, «будучи потенциально всем

... не может быть сведена ни к какому отдельному виду природного или общественного бытия» [68, С. 328]. В этой связи и сам феномен ГК, представляющей не в одной, а в нескольких своих ипостасях, её «укорененность» в системе географических наук становятся понятней лишь при выявлении объекта и предмета субдисциплины, изначально предопределяющих предельно широкий по своему охвату «спектр» геокультурной проблематики.

Если рассматривать **объект ГК** предельно обобщенно, то таковым, полагаем, является *территориальная организация культуры (ТОК)*. Представляя собой геокультурный процесс в территориальной своей конкретике и его пространственно дифференцированный и материализованный результат, территориальная организация культуры есть не что иное, как особый качественный «срез» (аспект) другого явления - территориальной организации общества (ТОО). Таким образом, объект ГК и объект общественной подсистемы географической науки (экономической и социальной географии), очерчивая одну и ту же социально-территориальную реальность, по существу тождественны.

Предмет же ГК (в данном качестве выступают *пространственные закономерности ТОК, включая и всё многообразие и иерархичность её географически детерминированных и дифференцированных форм*) в отличие от её объекта - свое-

образен и имманентен исключительно рассматриваемой субдисциплине. При этом сама предметная ориентированность изначально задает определенный простор при выработке адекватных ГК категорий, обуславливает наблюдаемый разноразличной при фиксации места научного направления в системе географии.

Специфика рассматриваемой дисциплины такова, что она не может реализовать собственные потенции иначе, чем «пронизывая» все разделы общественной (а в определенной мере и природной) подсистемы географии и, соответственно, «культуризируя» отдельные составляющие географической науки. Поэтому элементы ГК неизменно должны присутствовать и в экономической географии, и в социальной географии, и в политической географии, и в ландшафтоведении. По сути речь должна идти об изучении традиционных географических объектов под специфическим углом зрения. Для этого необходимо не только обособление геокультурных исследований в рамках специального научного направления, но и становление особого *геокультурного научного подхода*, ориентированного на вычленение культурного аспекта в планетарных социоприродных явлениях и процессах, подхода максимально «широкого» по своему охвату (по существу - общегеографического).

Возможна, впрочем, и ситуация, когда ста-

новление отдельных разделов ГК (характерный пример - геэтнокультурология, наука о геэтнокультурных системах) будет способствовать конституированию в качестве объекта географического анализа ранее практически игнорируемых научным сообществом территориальных явлений, раздвигая, тем самым, предметно-объектные «рамки» всей географии в целом.

Становление ГК значимо для развития всей системы географических наук. При этом наиболее тесные, системообразующие связи складываются у ГК именно с общественно-географическими субдисциплинами. Наряду с общностью объекта исследования, ширящимся распространением геокulturологических подходов в различных составляющих экономической и социальной географии, последнюю с ГК роднит, позволяет рассматривать данные научные явления в их взаимосвязи и сам факт становления представлений о ГК, геокulturологических подходов, концепций, методов именно в рамках обществоведческого «крыла» географии.

Включенность ГК в последнее, на правах его составной части, уже изначально предопределена тем, что сама культура - реальность не только географическая, но и социальная, общественная. Подчеркнем, в этой связи, что в территориальных процессах и общество, и культура по существу неразделимы. Это единое социально-

географическое (социоприродное) явление. И лишь научное абстрагирование позволяет вычленивать культуру в качестве некой относительно самостоятельной субстанции. Поэтому и отношения субординации между экономической и социальной географией (целым) и ГК (составной его частью) - все же довольно условны, носят преходящий характер и обусловлены не антологическими, а исключительно гносеологическими факторами и отражают нынешнее состояние геокультурных исследований, степень «зрелости» ГК, «качество» экономической и социальной географии, общий теоретико-методологический и методический уровень всей географической науки в целом.

Процесс культуризации современной экономической и социальной географии лишь начался, культурологическая проблематика пока еще не проникла во все «блоки» и разделы данной научной дисциплины, преобразуя и трансформируя принципы и методы исследования, видоизменяя общее видение территориальных явлений и процессов. В подавляющей своей части обществоведческие разделы географии все ещё весьма далеки от исследований геокультурных процессов. При этом и формирующаяся ГК пока не в состоянии охватить всё многообразие социально-географической тематики, а довольствуется решением ограниченного круга научных задач. Поэтому, ставя вопрос о тождественности ГК и эконо-

мической и социальной географии в некой отдалённой перспективе (чтобы подобная возможность стала реальностью, ГК должна пройти длительный путь своего развития, преобразуя одновременно и всю географическую науку в целом), полагаем, что в современном контексте отношения данных научных дисциплин носят выраженный субординационный характер.

Таким образом, вследствие своего генезиса, предметно-объектной сферы, используемой методологии, методического инструментария, формирующееся научное направление (субдисциплина) должно рассматриваться не только изолированно, само по себе, но и как имманентная составная часть куда более «ёмкой» по своему исследовательскому охвату и достаточно прочно укоренившейся в общественном сознании научной реальности - географической науки, конкретнее, обществоведческой её «ветви» - экономической, социальной и политической географии. Последняя полиструктурна и объединяет помимо ГК целый ряд направлений (разделов), разнящихся между собой не только предметной сферой (в рамках единого для всей экономико-географической науки и, вследствие этого, предельно ёмкого предмета изучения), но и временным диапазоном и традициями исследований, теоретико-методологической оформленностью, методическими инструментариями, особенностями взаимодействия с теми или

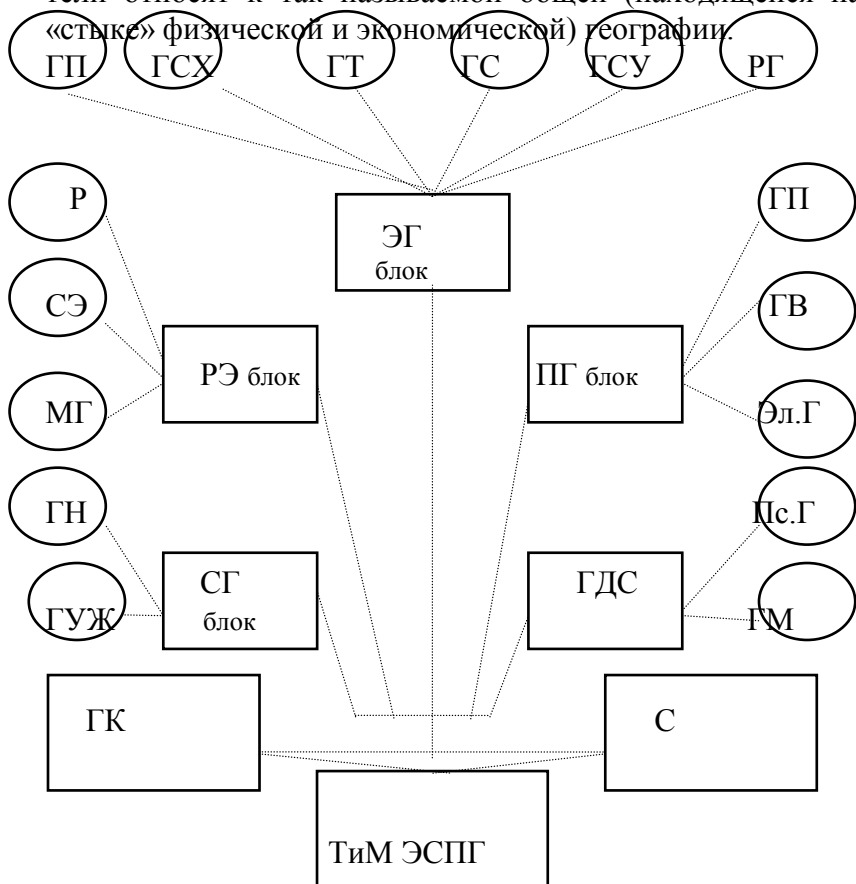
иными научными дисциплинами как в самой географии, так и за её пределами.

Проблемы структуризации экономической и социальной (общественной) географии затронуты в немалом числе публикаций. Весьма удачные попытки осмыслить иерархическую структуру нашей науки были предприняты У.И.Мересте и С.Я.Ныммик [69], С.Б.Лавровым [63], А.И.Чистобаевым и М.Д.Шарыгиным [96] и целым рядом других учёных.

Если вкратце охарактеризовать сложившуюся ныне структуру современной российской экономической (социально-экономической) географии, то последняя может быть представлена в виде системы относительно самостоятельных, взаимодействующих друг с другом научных дисциплин, объединяемых в пять основных «блоков» (рис.1).

Для анализа общественно-географических явлений и процессов наиболее значим экономический «блок» (или собственно экономическая география). В его составе развиваются как традиционные направления (география промышленности, география сельского хозяйства, география транспорта, география строительства), так и обособившиеся в рамках географии сферы услуг сравнительно новые субдисциплины: география торговли и общественного питания, география образования и науки, география здравоохранения, география финансово-банковской сферы и др. В структуре данного «блока» динамично развивается и рекреационная география, которую некоторые исследова-

тели относят к так называемой общей (находящейся на «стыке» физической и экономической) географии.

ЭГ блок - экономико-географический блок, **ГП** - география промышленности, **ГСХ** - география сельского хозяйства, **ГТ** - география транспорта, **ГС** - география строительства, **ГСУ** - география сферы услуг, **РГ** - рекреационная география; **РЭ** - ресурсно-экологический блок, **Р** - ресурсоведение, **СЭ** - социо-геоэкология, **МГ** - медицинская география; **СГ блок** - социально-географический блок, **ГН** - география населения, **ГУЖ** - география уровня и качества жизни; **ПГ блок** - политико-географический блок, **ГП** - геополитика, **ГВ** - география власти и властных структур, **Эл.Г** - электоральная география; **ГДС** - география духовной сферы, **Пс.Г** - психологическая география, **ГМ** - география мышления; **С** - страноведение; **ГК** - география культуры; **ТиМ ЭСПГ** - теория и методология экономической, социальной и политической географии

Рис. 1. Структура экономико-географической науки

Социально-географический блок (социальная география) объединяет широкий спектр геодемографической и экистической (расселенческой) проблематики, разрабатываемой в рамках географии населения. Сюда же могут быть отнесены появившиеся сравнительно недавно и пока немногочисленные исследования географических аспектов уровня и качества жизни.

С позиций общегеографического синтеза (интеграции физико-географических и экономико-географических исследований) весьма значим третий, ресурсно-экологический «блок». В его состав входят: ресурсоведение (субдисциплина, нацеленная на анализ географических проблем использования природных ресурсов), социогеоэкология (изучающая экологические предпосылки и последствия социально-экономического развития в их территориальном аспекте) и медицинская география (наука о географических особенностях здоровья человека и факторах его определяющих).

Важную роль в структуре науки играет и политический «блок» (политическая география), представленный тремя взаимосвязанными и взаимодополняющими субдисциплинами: 1) геополитикой (наукой об отношениях, складывающихся между властью и территорией); 2) электоральной географией (или географией выборов), фиксирующей и объясняющей пространственную специфику политических предпочтений избирателей; 3) географией власти и властных структур, акцентирующей внимание на особенностях политической карты мира, политико-территориального и административно-территориального деления в странах разных типов, иных аспектах пространственной самоорганизации власти.

Пятый «блок» в системе социально-экономической географии — это география духовной сферы, направление, в настоящее время пока лишь только складывающееся, потенциальный «полюс роста» общественно-географического знания.

Важно подчеркнуть, что ряд экономико-географических дисциплин имеет общенаучную значимость и не «вписывается» ни в один из вышеназванных блоков. В данном качестве выступает, в частности, и география культуры, представляющая собой не только самостоятельное исследовательское направление, но и особый научный подход. Аналогично положение и страноведения, ориентированного на комплексный анализ факторов и тенденций регионального развития. Особое место в структуре науки занимает и экономико-географическое науковедение, рассматривающее широкий круг проблем теории и методологии экономической, социальной и политической географии, ее эволюцию, место в системе наук, внутреннюю самоорганизацию и т.п.

Система экономико-географической науки постоянно развивается. В процессе дифференциации традиционных направлений и освоения новой проблематики формируются дополнительные субдисциплины. Одновременно складываются и усиливаются интегративные подходы, что, в целом, отражает развитие науки, свидетельствует о её способности создавать структуру, адекватную потребностям и реалиям меняющегося мира.

Ширящаяся социологизация и экологизация географической науки, её развертывающаяся культуризация предопределяют возможность использования наряду с традиционной (в виде иерархического «древа» субдисциплин) и «объемной», многомерной модели экономической и со-

циальной географии, этой, по весьма удачному определению А.И.Чистобаева и М.Д. Шарыгина [96], целостной интегрально-синтетической науки, изучающей пространственную организацию общества в конкретных условиях природной среды.

Подобная многомерная модель экономико-географической науки была разработана автором в конце 80-х годов [37]. Она базируется на учете основных структурных составляющих интегративного объекта данной дисциплины (т.е. территориальной общественной системы): элементов природы (геосферы), населения (антропосферы) и хозяйства (техносферы). Сферу их многоаспектного взаимодействия (являющую собой геоэкологическую проблематику) как бы «пронизывают» четыре самостоятельные исследовательские «срезы» (аспекта): экономический, социальный, политический и духовный.

Поскольку феномен культуры по самой своей сути не может быть сведен ни к одной из сфер общества (включая и социальную, если, разумеется, рассматривать её не в предельно широком значении), то и ГК неправомерно включать на правах субдисциплины в какой-либо из разделов общественно-географической науки, нацеленных на исследование этих «сфер». При несомненной своей самостоятельности, культурологический аспект, по существу, также является «сквозным» для всей общественной географии. Это предопределяет

«прозрачность», а также неустойчивость, зыбкость границ ГК в системе экономической и социальной географии (в этой связи правы авторы, определяющие ГК как науку нестабильную, охватывающую большое число разнородных на первый взгляд явлений [36]), её интеграционный потенциал.

Стыковой характер ГК (а в различных аспектах геокультурологических исследований пересекаются интересы и взаимодействуют подходы не только собственно географических дисциплин, но и соответствующих разделов культурологии, этнологии, социальной психологии, социологии, социальной экологии и др.), актуализация разнообразных проявлений ТОК, все более явственный поворот географической науки к освоению культурологической проблематики - обстоятельства эти позволяют рассматривать ГК как перспективный «полюс роста» в системе экономической и социальной географии, предопределяют потенции дисциплины в качестве одного из «локомотивов» географической науки в целом.

1. 3. Основные направления и приоритеты геокультурных исследований

Проблематика географии культуры многоаспектна и являет собой результирующую целого комплекса разноплановых факторов. Последних множество, поэтому назовём лишь важнейшие, к каковым, в частности, можно отнести предопределяемую самой сущностью феномена «культуры» предметную ориентированность и логику дифференциации характеризуемой дисциплины, сложившуюся в обществе социально-экономическую и политическую ситуацию (диктующую выбор приоритетов), доминирующие идеологические установки и научные парадигмы, равно как и исследовательские традиции, трансформацию геокультурной реальности, усложнение её структуры, рост «патологичности» и конфликтности и др.

Структуризация ГК, инвентаризация её тематических разделов (одна из ключевых задач в сфере теории ГК) , в этой связи, изначально должна быть ориентирована на учёт полиаспектности самого понятия «культура», вариативности исследовательских оценок при определении предмета и целей дисциплины, на необходимость преодоления осязаемого дефицита в арсенале отечествен-

ной географии сколько-нибудь устоявшихся и достаточно апробированных подходов в сфере теории и методологии геокультурных исследований. Усложняет её и сложившееся положение дел, когда отдельные спонтанно формирующиеся, геокультурные по сути своей, исследовательские направления (либо научные концепции) не осознаются таковыми ни их разработчиками, ни, тем более, научным сообществом в целом.

В сложившейся ситуации раскрытие всего многообразия геокультурной проблематики, выявление её приоритетов предполагает параллельное движение по двум взаимосвязанным исследовательским направлениям:

- инвентаризации культурологических подходов в современной отечественной географии;
- конструирования (с опорой на господствующие ныне представления о культуре, мнения зарубежных и отечественных географов о необходимости разработки тех или иных составляющих геокультурной тематики, учет современного уровня исследований и др.) некой идеальной модели ГК с подробным изложением авторского видения её внутренней структуры.

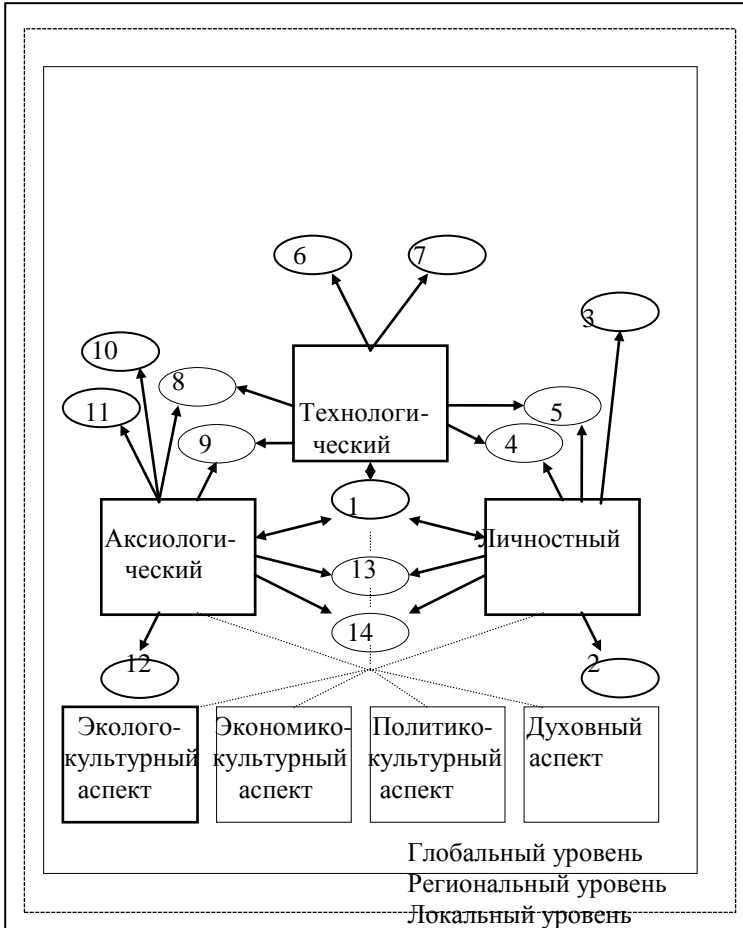
Подобная, *иллюстрирующая основные направления ГК модель* была предложена нами более пяти лет тому назад [43].

Изначально не претендовавшая ни на свою исключительность, ни на окончательность, данная

модель, до сих пор продолжая оставаться единственной (в масштабе России) детализированной версией структурирования характеризуемой научной дисциплины, ориентирована на раскрытие ГК как целой *системы взаимосвязанных и взаимодействующих друг друга субдисциплин с обширной сферой интересов.*

Одни «ветви» ГК (как уже реально оформившиеся, так и потенциальные) связаны с вычленением отдельных сторон в категории «культура» (например, география качества жизни, география патологии и др.), другие основываются на синтетических подходах (геокультурный синтез, геоэтнокультурология, география культурной инфраструктуры и др.). Самостоятельные субструктуры формируются в процессе экологокультурного, политико-культурного и любого аналогичного «аспектного» анализа. Наконец, в каждом направлении геокультурного научного поиска присутствует своя глобалистика и собственные региональные подходы (рис. 2).

Неравнозначна и степень научной освоенности отдельных составляющих ГК. В структуре данной дисциплины (если ориентироваться на «поток» публикаций) одни направления ныне стремительно выходят на авансцену (культурологические аспекты геоглобалистики, проблематика русской культуры и др.), другие проявляют себя как возможные «точки роста».

1 - геокультурный синтез; **2** - география качества жизни; **3** - география патологии; **4** - исследования закономерностей культурного саморазвития территории; **5** - исследование влияния культуры на геосистемы; **6** - технологическая (образа жизни) география; **7** - геотнoкультурология; **8** - изучение восприятия территории сквозь «призму» культуры; **9** - география традиций; **10** - геолингвистика; **11** - география культурных феноменов и ценностей; **12** - география религий; **13** - изучение «человечности» (социальной эффективности) ТОО; **14** - география культурной инфраструктуры

Рис.2. Основные направления географии культуры

Многообразны и постановочные работы, исследования по «стыковой» с ГК проблематике.

Так, в частности, налицо первые попытки исследования географических различий в образе жизни [79]. Вызывает интерес разработка представлений о так называемой «социальной эффективности» территориальных общественных систем [57, 97] и, в целом, выдвижение в территориальном исследовании на первый план критериев, связанных с оценкой возможностей для всестороннего развития личности [4, 8, 65, 78], стремление определить территориальные различия в уровнях развития человеческих отношений [20].

В общем русле геокультурного анализа весьма ценным представляется формирование представлений о патологии применительно к географическим объектам и, в частности, к городам [95], т.е. о явлении, непосредственно порождённом определенным способом организации пространства и, соответственно, «высвечивающим» культурный аспект территориальных процессов. До сих пор речь шла лишь о социальной патологии (преступность, алкоголизм, самоубийства и др.) [84, 94], однако, заметим, что и иные составляющие воспроизводственного процесса формируют «свои» патологии. Поэтому правомерна и постановка вопроса о политической патологии, экономической патологии, экологической патологии и т. д. Подобное направление научного поиска весьма перспективно, напрямую «выходит» на рассматриваемую тематику и нуждается в приоритетном внимании.

Появились публикации по географии культурной инфраструктуры [15, 33]. Исследованы отдельные аспекты географии качества жизни [53], геолингвистики [44, 70], географии религий [59, 90]. В целом оформилось «цивили-

зационное» [72, 87] и тесно связанное с ним геоэтнокультурное [46, 88] направления ГК, обозначился интерес к географии традиций [100].

Некоторые «заявленные» и частично разработанные направления нуждаются в дополнительной культурологической корректировке. Так, например, «технологическую географию» в идеале интересует не только (и не столько) пространственно диверсифицированная «совокупность различных видов жизнедеятельности» [85, С. 216], сколько различия в способах деятельности «от места к месту». Причем, в поле зрения исследователя должно находиться как само «поведение» социально-территориальных общностей, так и все многообразие используемых ими технологий. Работы по качеству жизни и тесно соприкасающиеся с ними исследования по географии патологии требуют самого серьезного отношения к культурным особенностям рассматриваемой территории (ведь представления об оптимальном качестве жизни, о социальных отклонениях варьируют в различных системах).

Полномасштабное освоение «спектра» геокультурной тематики, равно как и общее конституирование ГК в системе современной отечественной географии, во многом сопряжено с формированием обобщающей, синтезирующей отдельные направления исследований *геокультурной теории*. Последняя призвана концентрировать и аккумулировать сведения об основных закономерностях геокультурного процесса (понимаемого как соразвитие территории, т.е. целостной природно-общественной реальности, и культуры - её составной части), его пространственных проявле-

ниях и культурных следствиях, то есть о территориальной организации культуры в целом, продуцировать представления об основных направлениях и технологиях геокультурного анализа.

Как представляется, *важнейшая теоретическая проблема ГК* заключается в выявлении *фундаментальных особенностей, факторов и закономерностей взаимоотношения территории (как пространственно-диверсифицированного социоприродного целого) и культуры (как её составной части)*. Практически же речь должна идти не об одной, а о целом комплексе задач, поскольку важны и учет влияния территории (а конкретнее, процесса развития и функционирования территориальных систем различных таксономических уровней и типов) на культуру, и оценка воздействия последней на сами геосистемы (в том числе благодаря неоднозначному восприятию территории сквозь «призму» отдельных пространственно-дифференцированных культур), и исследование культурного саморазвития территории (точнее, её таксонов) и т.д. Причем каждый из перечисленных аспектов данной проблематики нуждается в собственном теоретико-методологическом обосновании и особом методическом инструментарии.

Продуцируя культуру, территория сама, в свою очередь, испытывает на себе все возрастающее её влияние [8]. В этой связи, к приоритетной

геокультурной проблематике можно отнести как учет способов организации пространства «от места к месту» (когда сама территориальная организация общества исследуется как специфическое проявление человеческой деятельности, т.е. культурный феномен), так и оценку воздействия пространственно-локализованной культуры на развитие и функционирование геосистем, их структуру, функции, устойчивость и т. п. Последний аспект для нашей страны с её территориально и этнически чрезвычайно неоднородной культурой - особо актуален и, судя по всему, уже привлек к себе внимание [60]. Главное здесь, как представляется, - избежать поверхностных подходов к географической структуризации культуры. Ведь субстанция эта весьма сложная, поэтому необходим предельно полный и максимально корректный учёт сложившейся (и продолжающей далее формироваться) системы культурно-территориальных образований (регионов) на всех таксономических уровнях.

Решая данный комплекс исследовательских задач, следует, в частности, преодолеть упрощенную трактовку различий между Востоком и Западом в их культурологическом понимании (в этой связи американский географ Каренс Дж. Глэкен справедливо подмечает, что различия между Индией и Китаем могут быть столь же значительны, как между любой из этих стран, с одной стороны,

и западной цивилизацией с другой [25]), установить геокультурную специфику и взаимосвязи всех существующих (и функционировавших ранее) цивилизационных структур, выявить их внутреннюю пространственную организацию.

В этой связи особую значимость приобретает как становление *геокультурной регионалистики* (своеобразного «районного направления» в ГК), так и полномасштабное внедрение в теорию и практику географо-культурологических работ геодинамических (историко-географических) подходов.

Характерно, что в последние годы в российской экономической, социальной и политической географии весьма динамично формируется целое направление, ориентированное на разработку методологии структурного анализа планетарной геокультурной реальности, включая *изучение макроструктурных системных объектов* (по В.Д. Сухорукову [86]), *пространственно-временное исследование эволюции социокультурных систем* (по Д.В. Николаенко [72]). В его основе идея социокультурного (по существу геокультурного) разнообразия мира, опора на цивилизационный (хотя само понятие «цивилизации» неоднозначно трактуется разными авторами) подход, стремление выявить логику геопроцесса, в том числе и по отдельным крупным географическим таксонам.

С позиций ГК, как особо ценное, выделим осуществлённое Д.В. Николаенко исследование «освоения территории в различных культурах» [73]. Не вдаваясь в детализированные характеристики (наработанный материал весьма масштабен и не лишен отдельных дискуссионных

моментов), как очевидный позитив отметим удачно реализованную попытку дифференциации планетарной геокультурной реальности на макроструктурные составляющие (подобных «социо-культурных систем» по версии данного автора - восемь: варварско-кочевая, мусульманская, китайская, западная, российская, индусская, южноамериканская и чёрная африканская), моделирование их пространственно-временной динамики.

Акцент на вычленение целостных, предельно интегрированных культурно-территориальных регионов важен не только в планетарном масштабе, но и для самой России, где в новых геоэкономических и геополитических условиях остро встаёт вопрос о пересмотре подходов к районированию, необходимости его «культуризации».

Сложившаяся в нашей стране система регионов сложна и динамична. Видоизменяется общая региональная структура (наблюдается усиление экономического и политического влияния тех или иных регионов, меняется специализация региональных экономик, формируются новые центры хозяйственной активности, усиливаются миграционные процессы и др.), трансформируются региональные границы, иной экономической и социальной «облик» приобретают территории. Усиливается взаимовлияние культурно-географических, экономических и политико-географических факторов. Данное обстоятельство, равно как и общая сложность территориальной организации России, должны учитываться при разработке основ региональной политики, конструировании системы российского федерализма.

Необходим, в частности, мониторинг (в том числе и по широкому кругу геокультурных параметров) регио-

нальных процессов. Требуется своей коррекции (уточнения) действующая схема экономического районирования, в том числе и за счёт приведения её в большее соответствие с культурно-географическими реалиями. В этой связи приобретает значимость делимитация, параметризация и дополнительное обоснование (задача эта в первом приближении уже решена [88]) геокультурной структуры России: крупных культурно-географических регионов (Центральная Россия, Юг России, Север России, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток), связующих их этноконтактных зон (Южнороссийская, Урало-Поволжская и Южноазиатская), объединяемых ими более дробных территориальных подразделений.

Не меньшее значение имеет и обоснование самооценности и самобытности (в том числе и географической) всей системы русской культуры, анализ её пространственных границ, геодинамики, территориальных особенностей и форм бытия. Актуализацию данной проблематики (разрабатываемой в рамках самостоятельного направления ГК - геоэтнокультурологии) предопределил развал СССР, всплеск межнациональных конфликтов, реальная угроза расчленения единого геопространства русской культуры.

В самом общем виде *геоэтнокультурологию* можно определить как науку (научную субдисциплину) о закономерностях и особенностях формирования, развития и функционирования особых пространственно-временных образований - геоэтнокультурных систем (ГЭКС), выступающих специфическими формами географического бытия

культуры, результирующими этногенеза и культу-рогенеза. Само появление данной области научно-го знания во многом обусловлено стремлением выйти за пределы традиционных, не всегда доста-точно эффективных подходов, достигнуть качест-венно нового уровня понимания географической реальности [46, 88].

С позиции концепции ГЭКС русская культура (ци-виллизация) предстаёт одним из узловых элементов совре-менной культуросферы. По «рангу» в территориальной ие-рархии это культурно-территориальная структура первого порядка, сопоставимая с такими культурными суперрегио-нами как Запад, Исламский мир, Китай, Индостан. Как и любое аналогичное образование, русская ГЭКС (по автор-ской терминологической версии - Великороссия) формиру-ется с XIV века как уникальное сочетание конкретной тер-ритории и развивающегося на ней этноса с присущей ему культурой.

Великороссию (как особую ГЭКС) отличают мас-штабы и развитая территориальная структура. Ее влияние (фиксируемое по такому важному показателю как знание населением русского языка) в той или иной степени ощу-тимо на всем постсоветском пространстве. Доминирует же русская культура на подавляющей части Российской Феде-рации (за исключением республик Северного Кавказа, Башкирии, Бурятии, Татарстана и Тувы, где «русскоязыч-ное» население составляет менее 50% от общего числа жи-телей). Преобладающее влияние русской культуры про-слеживается и на некоторых сопредельных с Россией тер-риториях (Крым, Донецкая и Луганская области Украины, северо-восточные регионы Казахстана), также выступаю-

щих ныне составляющими единого культурно-территориального образования — Великороссии [44].

Проводя своеобразную инвентаризацию первостепенных задач географии культуры, обратим внимание и на научное обеспечение комплексных, учитывающих региональные условия мер по сохранению культурно-территориального многообразия - важнейшей предпосылки устойчивого поступательного социального процесса.

Советские супермонополии (министерства и ведомства) и в целом административно-командная система немало «потрудились» для разрушения традиционных технологий природопользования, культурной ассимиляции народов и этнических групп. Аналогичные проблемы, впрочем, проявляют себя и в странах с развитой рыночной экономикой. В этой связи переход России к рыночному хозяйству, в потенциале создавая возможности (пока, правда, больше гипотетические, нежели реальные, учитывая возрастающую остроту и масштабы межгосударственной и межцивилизационной конкуренции, углубляющуюся пространственную поляризованность социума) для динамичного развития производительных сил и ускорения темпов НТП, при отсутствии специальной региональной культурной политики, как представляется, в данном случае может не улучшить, а скорее усугубить ситуацию. Тем более, что сама логика экономических преобразований в столь разнородной во всех отношениях стране в конечном итоге потребует наличия сильного централизованного государства, а последнее неизменно способствует утрате культурной диверсификации (на данное обстоятельство обращал внимание еще родоначальник американской культурной географии К.Зауэр). Выход из проблемы видится в расшире-

нии местного самоуправления, учёте этнокультурных реалий и интересов на всех территориальных уровнях власти.

В этой связи особенно важна достоверная информация о реальном положении дел в сфере культуры, максимально полный учет разнообразных способов деятельности в их пространственной локализации (возможно «сведенный» в многотомное монографическое издание или специальный атлас с обширным текстовым приложением) - без чего, собственно, невозможна разработка эффективных и, что особенно важно, адаптированных к местным условиям компенсационных (т. е. нацеленных на нейтрализацию унитаристских тенденций) мероприятий.

Не менее важны и географические исследования культуры по ее отдельным «блокам» (экологическая культура, политическая культура и т. д.), причем, учитывая полиструктурность культуры, число подобных, относительно обособленных в рамках ГК направлений научного поиска, может быть достаточно велико.

Так, в контексте ширящейся экологизации науки, растущей угрозы глобального экологического кризиса, особую остроту и актуальность приобретает эколого-культурная проблематика. Последняя - комплексна и включает, помимо соответствующей параметризации антропогенных ландшафтов, эколого-культурный анализ культуроформирующих территориальных структур (ТОС, ТСЭС), учет географических различий в технологиях природопользования [42].

С эколого-культурными исследованиями непосредственно «стыкуется» другое обозначившееся в последние годы направление научного поиска - познание географических закономерностей адаптации. Причем, если первоначально вопросы адаптации затрагивались исключительно в их экологическом контексте [7, 80], то сейчас проблематика эта рассматривается уже значительно «шире» (к ней, в частности, относят не только социально-экологические, но и «чисто» социальные аспекты [99]). В этой связи уместно обратиться к мнению Г.И. Швебса, справедливо полагающего, что поиск в данном направлении, базирующийся на методологии коэволюции, сопряжен с формированием соответствующих научных направлений, включая и адаптивную географию [99]. Последняя, учитывая адаптивные функции культуры, на наш взгляд, не что иное, как особая составляющая географии культуры, а само её становление - дополнительное подтверждение культуризации географии в целом.

Наряду с эколого-культурным «блоком», приоритетного внимания заслуживает другое направление рассматриваемой дисциплины - география экономической культуры. Тематика эта, к сожалению, у нас пока практически не разработана, и подобное положение дел резко диссонирует с ее очевидной актуализацией.

Сложившаяся в России экономическая культура - результат длительной и весьма противоречивой траектории. Ей присуща слабая способность к саморазвитию, низкая инновационность, забвение вековых производственных традиций и целый ряд иных негативных «черт» [81]. Очевидно, однако, что в своих территориальных проявлениях экономическая культура - субстанция весьма неоднородная, что предопределяет, в частности, неравнозначные возможности для адаптации отдельных регионов к условиям рыночной экономики, различную «восприимчивость» территорий к тем или иным видам хозяйственной деятельности и т.п.

Подчеркивая необходимость географизации подходов к развитию экономической культуры в нашей стране (с опорой на максимально полный учет экономико-культурных реалий), отметим, что саму предметную сферу исследований в данном случае никоим образом нельзя ограничивать стереотипами массового сознания и поведения. Не менее важны и акцент на «технологичность» размещения производств (с позиций их ресурсной обеспеченности, комплексности, интегрированности в систему рынков), и учёт многоаспектных воздействий на территорию разнообразных центров технико-экономических инноваций, и географическая экспертиза «качества» экономики в целом.

Последнее десятилетие в России отмечено стремительной актуализацией геополитической проблематики. Обозначились многочисленные ареалы этнических, конфессиональных, политических и иных конфликтов. Неоднозначный характер их проявления, выраженная пространственная дифференцированность способов борьбы за власть, различия в степени вовлеченности в поли-

тический процесс широких масс населения - все это позволяет говорить о наличии особых географических закономерностей в политической культуре, требующих своего специального исследования. Пока «стык» политической географии и географии культуры обозначен весьма слабо¹, однако направление это весьма перспективно. Ведь любое политическое решение окажется эффективным лишь в случае, если будет учитывать культурные особенности конкретной территории. Политико-культурную обстановку в идеале не должны игнорировать и политические партии, иные структуры и группировки, соперничающие за власть в том или ином регионе. В этой ситуации возникает острая потребность в политико-культурном анализе отдельных территориальных образований (республик, областей и т.п.), учете геокультурной составляющей в политическом развитии в целом.

Перечисленная проблематика, разумеется, далеко не исчерпывает весь спектр интересов ГК. По существу названы лишь некоторые (активно проявившие себя, либо наиболее значимые с позиции автора) направления исследований. Поэтому и сейчас, а тем более в перспективе, пристального внимания заслуживают и многие иные мо-

¹ К «политическому разделу» отечественной ГК пока с полным на то основанием может быть отнесено лишь исследование, посвященное региональным политическим культурам Канады [14]; интересный «выход» на географическую политико-культурную проблематику заложен в диссертационной работе В.А.Колосова [55].

менты, в частности, вопросы духовной культуры (к слову, отдельные аспекты данной тематики «растворены» в иных направлениях геокультурных исследований, что не умаляет значимости их специализированного рассмотрения). Столь же важен учет географической дифференциации (территориальной локализации) отдельных элементов материальной культуры, традиций, норм поведения и т.п. Впрочем, ГК - наука динамичная, и её структура, круг «обязанностей» по мере культуризации географической науки должны систематически уточняться.

2. Территориальная организация культуры как географическая реальность и понятийно-терминологическая концепция

2.1. Основы концепции территориальной организации культуры

В географическом исследовании культуры (как, впрочем, и вообще при разработке любой научной проблематики) особо значим выбор основополагающего, базового подхода, учитывающего специфику предмета изучения и опирающегося, одновременно, на уже достаточно апробированный другими составляющими географической науки определенный методологический алгоритм, благоприятствующий междисциплинарному синтезу как в сфере теории, так и в конкретных региональных разработках. В подобной роли, полагаем, может выступать **концепция территориальной организации культуры (ТОК)**.

Феномен культуры можно изучать (и изучают) по-разному. Пожалуй, наиболее поверхностный уровень геокультурного исследования представляют попытки выявить особенности пространственной дифференциации театров, музеев, библиотек и т.п., именуемого «культурой» в бю-

рократическом обиходе и на языке народнохозяйственной статистики.

В сравнении с ним географический анализ вычлененных в соответствии с теми или иными принципами либо задачами отдельных аспектов и проявлений культуры (конфессий, языков, элементов культурной инфраструктуры и т. д.) хотя и представляется более предпочтительным, тем не менее, все же, также недостаточен для адекватного понимания геокультурной реальности. Последняя, вследствие своей исключительной специфичности, требует *учета глубинного единства, взаимосвязи и взаимозависимости всех пространственных культурных процессов и явлений, сопряженного их рассмотрения в общем контексте развития территории.* Наиболее же всеобъемлющим, позволяющим предельно полно отразить и высветить географические особенности и закономерности культуры, является, как полагаем, сам культурологический анализ территории («культурной» в той же мере, в какой «территориальна» и сама культура).

Любое исследование в сфере географии культуры - это всегда, в конечном итоге, познание реалий культуросферы. Являя собой всю культурную «мозаику» современного мира в ее бесконечном многообразии и спонтанном самообновлении, взаимодействуя с другими, также порожденными географическим бытием человека планетарными

оболочками (социосферой, техносферой, этносферой), культуросфера в своей конкретике - не что иное, как особым образом организованная, развивающаяся и функционирующая по имманентным ей законам территория. Данное обстоятельство не может не браться в расчет при определении базовой концепции, призванной объяснять географические особенности культуры, консолидировать ГК как научную дисциплину, чётче обозначить её место в географии в целом. Подобный подход в силу специфичности исследуемого предмета изначально должен учитывать ряд принципиальных моментов:

- «растворенность» культуры в территории, в территориальных процессах, что предполагает концентрацию усилий на изучении не столько самой культуры, сколько территории, причем изучении под особым «углом зрения»;

- необходимость уделять преимущественное внимания взаимодействию культуры и территории (как части и целого), ее территориальным способам, формам и следствиям;

- антропоцентризм геокультурологического исследования, постановку в его эпицентр человека как продуцента и «носителя» культуры;

- сложноструктурированность (включая и территориальную) и динамизм культуры как географического явления, детерминированность культурогенеза территориальными факторами.

Вычленив географический аспект бытия культуры (культуросферы), подчеркнуть его геосистемное многообразие, акцентировать внимание на самом геокультурном процессе и его территориальных следствиях как раз-таки и призвана концепция ТОК. Последняя, полагаем, представляет собой способ географического познания культурогенеза, инструментарий определенного абстрагирования от всех многообразных проявлений культуросферы и концентрации внимания на наиболее существенных с точки зрения географической науки ее сторонах, процессах, феноменах.

Кстати, колоссальную содержательную нагрузку несет даже само словосочетание «территориальная организация», вполне употребимое применительно к целому ряду присущих культурогенезу ситуаций: организация культуры в пределах территории, культурная организация конкретных территорий, организация в смысле территориального взаимодействия культур, территориальная организация как воспроизводство культуры и ее обновление и т. д.

Территориальная организованность - свойство не только культуры, но и всего социума (общества) в целом. В этой связи постановка вопроса о «территориальной организации культуры» вполне созвучна другой фундаментальной, уже прочно утвердившейся в понятийно-

терминологической системе науки, категории - *территориальной организации общества (ТОО)*.

Представления о ТОО (активно развиваемые в трудах Б.С.Хорева, А.И.Чистобаева, М.Д.Шарыгина и ряда других авторов) обеспечивают «стыковку» отдельных экономико-географических теорий и, одновременно, отражают территориальные социально-экономические явления и процессы во всей их полноте. В настоящее время это наиболее «ёмкий» по своему охвату теоретический инструментарий из всего наработанного экономико-географической наукой. В этой связи учение о ТОО в современных условиях все заметнее выступает в качестве общедисциплинарного (универсального для всех разделов и «блоков» экономической, социальной и политической географии), чья особая роль определяется как логикой саморазвития науки, так и потребностями комплексного, разностороннего анализа территориальной реальности.

Понятие ТОО охватывает все вопросы, касающиеся размещения производительных сил, расселения людей, взаимоотношения общества и природы, проблемы региональной социальной, демографической, экономической и экологической политики. Оно акцентирует внимание на важнейших с позиций экономической, социальной и политической географии моментах:

— необходимости географического анализа общества в целом (то есть экономических, социальных, политических и духовных процессов и явлений), а не только отдельных его сфер;

— самом факте территориальной организованности общества, практически представляющего собой сочетание функционирующих территориальных структур производства, расселения населения и природопользования, ком-

плексное исследование которых является магистральной задачей экономико-географической науки;

— влиянии территории (территориальных факторов) на общий ход социально-экономических процессов, важности всестороннего учета подобного воздействия в экономико-географическом исследовании.

Территориальную организацию общества принято одновременно рассматривать и как явление, и как процесс. Как явление — она реализуется в форме иерархически соподчиненных территориальных социально-экономических систем (регионов) разного ранга. Как процесс — протекает в постоянном движении и пульсации всей социально-экономической жизни населения в пространстве и времени (динамика географических границ, обособление новых социально-экономических регионов, деградация традиционных центров и появление новых «полюсов роста» и т.п.).

Процесс ТОО подчиняется ряду универсальных закономерностей (пространственной поляризации, территориальной дискретизации, региональной взаимозависимости и иерархичности и др.) и осуществляется под влиянием множества условий, предпосылок и факторов (природно-ресурсных, экологических, исторических, этнокультурных, экономических, социальных и др.).

Осмысление отдельных сторон и аспектов ТОО в ходе экономико-географических исследований уже нашло свое отражение в виде целой системы самостоятельных научных теорий. В их числе теория размещения производительных сил (раскрывающая наиболее общие закономерности территориальной организации населения и хозяйства), теория расселения населения (характеризующая особенности распределения населения по территории, формирование и эволюцию поселений), теория территориальной структуры хозяйства (то есть членения хозяйства на экономические районы и зоны, их взаиморасположение,

соотношение центра и периферии, наличие «полюсов роста» и т.п.), теории регионального развития, экономического районирования, районной планировки (комплексного территориально-хозяйственного устройства планируемого района) и др. Представляется, что важнейшей составляющей учения о ТОО может (и должна) стать и формируемая концепция ТОК.

Обращаясь к наиболее существенным сторонам и свойствам ТОК, нельзя не подчеркнуть ее роль в устойчивом спонтанном воспроизведении планетарной культурной целостности и, одновременно, культурной «многоликости».

Обусловленная географическим разнообразием условий жизнедеятельности Человека (как природных, так и социоприродных), территориальная дифференциация ее способов (адаптационных механизмов или, иными словами, культуры) - не только геокультурная данность, особенность ТОК, но и своеобразное приспособление культуры (и общества в целом) к реалиям геосферы. В данной ситуации любая составляющая культуросферы значима для существования общепланетарного социума. Её утрата (особенно в случае, когда локальный, либо региональный компонент культуры в силу различных обстоятельств вновь не воспроизведен в обновленной ипостаси) и соответствующее оскудение «культуророфнда» - неизбежно сказывается на «качестве» культуры и в глобальном масштабе.

Все более популярный ныне планетарный подход к анализу и оценке тех или иных социальных явлений, как и в целом утверждение идеи взаимозависимости современного мира в общественном (в том числе и научном) сознании - в значительной мере обусловлены обозначившимся начиная с XVII столетия процессом формирования глобальной геокультурной системности. Однако и в более ранний период, вследствие специфики ТОК, геокультурная реальность являла собой хоть и дифференцированное (по отдельным государственным, этническим и иным структурам), но, одновременно, и взаимозависимое, единое в своих базовых тенденциях, закономерностях и алгоритмах образование. Данное обстоятельство позволяет рассматривать ее как самостоятельную целостную географическую оболочку (культуросферу).

Становление современной культуросферы - продолжительный, многостадийный процесс. Его магистральное направление — усиление межкультурного взаимодействия, рост культурной поляризованности, усложнение ТОК, обособление ее новых территориально-иерархических уровней (и на этой основе универсализация алгоритмов культурного развития).

Максимально адаптированные к ландшафтно-географической дифференцированности планеты локальные культурно-территориальные общности (своеобразная геокультурная первооснова) за 4-5 тысячелетий трансформировались в сложноструктурированную общепланетарную систему культуры, причем изменения ТОК происходили последовательно в пять основных этапов [88].

Первый - характеризовался формированием древних цивилизаций, последовательно расширявших свои географические ареалы. Межцивилизационное взаимодействие знаменовало собой появление более сложных структур — цивилизационных кругов наподобие Средиземноморского, Южноазиатского, Дальневосточного (2 этап). Последующий (третий) период связан с расширением геопространственных ареалов цивилизационных кругов, ростом количественного и качественного многообразия ее составляющих (наиболее ярко данный процесс протекал в Средиземноморье). В дальнейшем (четвертый этап) рост инновационности одной из цивилизационных форм (Западной Европы) привел к усилению ее геополитической и геокультурной экспансии. В сферу влияния Запада попадали все новые и новые культурно-территориальные образования в Африке, Америке, Азии. Пятый этап связан с формированием общепланетарной геокультурной системы. Причем, если первоначально (XVIII - XIX в.в.) данная система представляла собой компактную метрополию (Западную Европу) и обширную периферию, то последующая геокультурная динамика привела к пространственному расширению мирового культурного «центра» (Западный мир), к его структуризации (Северная Америка, Европа), росту планетарных культурных взаимодействий с соответствующим усилением общесистемной значимости важнейших культурных суперрегионов (Китай, Исламский мир, Латинская Америка и др.).

Причины изначальной взаимозависимости и взаимообусловленности соразвивающихся в рамках культуросферы отдельных геокультурных структур, как и становления глобальной геокультурной системности, - многообразны, поэтому

уделим внимание лишь важнейшим из них, напрямую связанным с самим феноменом ТОК.

Так, в частности, одной из ведущих предпосылок целостности культуросферы выступает единство её географического субстрата, т. е., практически, территории, предстающей в своем предельном масштабе планетарной оболочкой (геосферой). Географически детерминированная культурная «разноликость», как это ни странно на первый взгляд, также может быть названа здесь в качестве одной из основополагающих причин, поскольку множественность адаптационных механизмов - не что иное, как единый универсальный способ бытия общепланетарного социума.

Весьма значимо, в этой связи, и характерное для ТОК взаимодействие отдельных её компонентов (культурно-территориальных образований). Причем имеется ввиду не столько непосредственное «соприкосновение» различных культур (вследствие войн, миграций и других аналогичных причин), сколько взаимодействие, базирующееся на сложившейся многоуровневой иерархичности (одном из важнейших свойств ТОК), способности отдельных геокультурных целостностей играть роль своеобразного «моста», связующего различные культурные «микроміры», консолидировать и организовывать геокультурное пространство. Так, к примеру, русская культура выполняет ныне функции общевразийского «интегратора» напо-

добие тому, как когда-то римская культура объединяла этносы Средиземноморья. В определенной мере можно говорить о приоритетной значимости в становлении общепланетарной культурной системности современной западной культуры. В целом же, сообразуясь с ролью того или иного компонента культуросферы в поддержании устойчивого межкультурного взаимодействия в рамках ТОК, уместно ставить вопрос об его локальном, региональном, суперрегиональном либо, наконец, глобальном (планетарном) «ранге».

Будучи территориально организованной, культура в географическом своем бытии подчиняется универсальному для всех геосферных явлений принципу пространственной системности, т. е. формируется, развивается и функционирует, объединяя территорию единым геокультурным процессом (его относительно обособленной, а вследствие этого и специфичной составляющей). Территория же, при этом, детерминирует географические проявления культуры, позволяя рассматривать ТОК как иерархически упорядоченное соразвитие особых пространственных структур - геокультурных систем (ГКС), предстающих в трех своих основных инвариантах.

Одни ГКС по отношению к культуре выступают ее географической *социоприродной предпосылкой* (материальным субстратом) и, одновременно, *результатирующей культурогенеза*. Это ан-

тропогенные ландшафты, т. е. природно-территориальные комплексы, в той или иной степени преобразованные Человеком, испытывающие на себе его влияние.

К исходной первооснове саморазвития культуры можно относить и этносы (этнические общности), биосоциальные организмы, хотя непосредственно и не являющиеся ГКС, но воссоздающие последние, точнее, определенный инвариант ГКС - *геоэтнокультурные системы (ГЭКС)* в ходе коэволюции этносферы и культуросферы. Значимость данной коэволюции для становления ТОК вообще столь велика, что *сами ГЭКС, на наш взгляд, правомерно рассматривать как базовый, «несущий» элемент всей геокультурной системности, основную форму географического бытия культуры*, неизменно оказывающуюся в эпицентре исследования, когда речь идет о «русской культуре», о «немецкой культуре», о «китайской культуре», либо о каких-нибудь аналогичных явлениях в территориальном контексте.

Потенции культуры к саморазвитию и одномоментному с ним освоению территории реализуются вследствие географического бытия пространственных структур, традиционно относимых к предметно-объектной сфере экономической (социально-экономической) географии, - *территориальных общественных систем* или (по иной терминологической версии) территориальных со-

циально-экономических систем. Их функции в ТОК столь важны и многосторонни (от простой коррекции геокультурных рубежей до глубокой количественной и качественной трансформации культуры, становления новой культурно-территориальной системности), что уместно ставить вопрос о *культуроформирующем характере* данных ГКС. Характерно, в той связи, что если культура в целом являет собой механизм приспособления социума к окружающей его социоприродной реальности, то сама она, в свою очередь, адаптируется к географически детерминированной и организованной геосферной действительности как раз-таки именно благодаря развитию и функционированию территориальных общественных систем (включая все многообразие их составляющих и производных). Это позволяет воспринимать последние как *способ географического бытия культуры*.

В контексте сказанного следует отметить, что *ТОК - это не просто соразвитие различных ГКС, а территориальное единство географического субстрата (антропогенезированных природно-территориальных комплексов), формы (ГЭКС) и способа (ТОС, ТСЭС и т.п.) существования культуры*.

Важно, в этой связи, также, подчеркнуть, что любая ГКС (а практически, обособленная в ходе культуругенеза конкретная территория),

подчиняясь универсальным геокультурным закономерностям, взаимодействуя с равноуровневыми образованиями, а также включаясь в функционирование «высших» по геокультурной иерархии структур (а следовательно, в значительной мере перенимая и соответствующий алгоритм развития), одновременно обладает и исключительной, лишь ей присущей территориальной организацией, «живет» по своим особым законам.

Последнее обстоятельство представляется крайне важным, требующим предельно корректного применения в геокультурологическом исследовании некоторых традиционных методических приемов анализа территориальных явлений, базирующихся на сравнительном подходе.

Сообразуясь со спецификой ТОК, при анализе культурных различий «от места к месту» необходимы, в частности, либо акцент на выявление особенностей размещения совокупности культурно-территориальных целостностей с преимущественным упором на изучение их иерархии, границ, взаимодействия (при этом следует учитывать их качественные различия и избегать скоропалительных заключений типа «больше - меньше», «лучше - хуже» и т.п.), либо отслеживание географической дифференцированности культуры по её определенным проявлениям и «технологическим» параметрам, весьма существенным, но напрямую

не определяющим ни «лицо», ни «качество» культуры (ГКС) в целом.

Заметим, что всё вышесказанное не отрицает целесообразности исследований пространственных особенностей развития и функционирования культуры в территориальных «рамках» конкретной ГКС (по единым для данной системы сущностным её характеристикам).

Наряду со структурным анализом, раскрывающим преимущественно моментный, статический аспект геокультурной реальности, концепция ТОК призвана отразить также и её спонтанную изменчивость, динамизм в диалектическом единстве прерывности и непрерывности, т. е. стороны и свойства культуросферы, подчеркивающие её общую пространственно-временную целостность.

Обновление формы и содержания культуры в процессе её территориальной организации предстает взаимообусловленным сочетанием ряда «наслаивающихся» друг на друга геокультурных тенденций. Это и в целом адекватное видоизменяющимся географическим (социоприродным) условиям совершенствование (правильнее сказать - коррекция) механизмов адаптации, генерирование культурных нововведений, их распространение в соответствии с закономерностями ТОК. И общие видоизменения в самой ТОК, связанные с появлением новых уровней культурно-территориальной системности (первоначально регионального, затем

суперрегионального, а ныне и общепланетарного). И геокультурная динамика, проистекающая из определенной цикличности в функционировании ГЭКС (при переходе от цикла к циклу, а в равной мере, и от одной геокультурной целостности к другой ситуация никогда, впрочем, не воспроизводится в зеркальной точности, поскольку, все же, речь идет о функционировании различных ГКС в несхожих географических условиях), когда само исчезновение формы географического бытия культуры благоприятствует её обновлению.

Сама идея о цикличности в развитии культур - не нова [13]. Причины подобной цикличности, полагаем, связаны главным образом с «этничностью» культуры, с механизмами взаимодействия этноса (образования, как это блестяще проиллюстрировал своими трудами Л.Н. Гумилёв [29 - 32], - биосоциального и, в этой связи, изначально обречённого проходить все стадии от зарождения до гибели) и культуры в процессе развития ГЭКС. Подтверждений данному тезису - множество, в том числе и в русской геокультурной истории.

Становление современной русской цивилизации (Великороссии) протекает на особом геопространстве (в евразийском культурном ареале). Территория эта (осваиваемая преимущественно степными кочевыми культурами) эпизодически объединялась в огромные государства. Последним в этом ряду оказалась империя Чингисидов (XIII в.), и северо-восток древнерусского социума (геокультурного «предшественника» Великороссии) помимо своей воли оказался её составляющей. В русско-татарском культурном симбиозе Золотой Орды доминировал русский компонент. основополагающие изменения происходили на

ином, этническом уровне. На смену древнерусскому этносу, расчлененному геополитическими и геокультурными рубежами, приходит новый великорусский этнос (аналогичным образом в польско-литовской части бывшей Киевской Руси началось формирование украинского народа, оказавшегося на «водоразделе» двух цивилизаций — России и Запада). Великороссы становятся материальным носителем обновленной русской культуры, трансформирующей в суперрегиональную (цивилизационную) систему.

Переходный период (от Киевской Руси к Велико-россии) в целом завершился ко 2-й половине XV века, когда сложилось централизованное Московское Государство и великорусская ГЭКС, пройдя стадию своего становления, вступила в этап развития. Именно в данный исторический отрезок (до середины XIX в.), активно осваивая евразийское пространство, русская культура развилась из периферийного компонента византийской цивилизации в явление общепланетарной значимости (как по охвату территории, так и по качественному «наполнению» культурного процесса).

В цикле саморазвития любого этноса особо существенен момент, когда пространственно-временная динамика теряет черты прежней поступательности, кризис нарастает и становится всеобъемлющим, а сама система словно получает команду на самоликвидацию. В данную стадию этногенеза (удачно названную Л.Н.Гумилевым фазой «надлома») великороссы вступили во второй половине XIX столетия. Поскольку, судя по целому ряду признаков, период надлома все ещё не пройден, уместно говорить о двух базовых вариантах будущего русской цивилизации: оптимистическом и пессимистическом. В первом случае выход этноса из стадии надлома обеспечит великороссам еще 3 - 3.5 столетия (период этнической «зрелости»). Иной вари-

ант означает, что саморазрушение русской цивилизации пойдет более быстрыми темпами.

Таким образом, русский культурогенез (прослеживаемый ещё в эпоху Киевской Руси и ранее) исторически выходит за рамки современной русской цивилизации (как и любой ГЭКС, обречённой самой своей «этничностью»). В этой связи, проводя исторические аналогии, можно полагать, что русская культура останется явлением культуросферы и после ухода в небытие своего нынешнего «носителя» — великорусского этноса. Только сохранится ли её статус в территориальной иерархии и насколько преобразованным (содержательно видоизмененным) окажется русский культурный комплекс, лишенный своей современной цивилизационной «формы»? Ответ на эти вопросы даст только время.

Отмечая динамизм ТОК, одновременно невозможно проигнорировать и наличие стабильных, устойчивых её элементов, способствующих культурно-территориальной преемственности. Имеется ввиду общий пространственный «рисунок» размещения регионов (точнее не самих регионов, а своеобразных их территориальных «вакансий», ареалов культурного саморазвития), в целом самосохраняющийся на фоне расцвета, стагнации и гибели различных ГКС, кардинальной трансформации геокультурных границ. Данная особенность ТОК наиболее четко просматривается на суперрегиональном уровне геокультурной иерархии (Китай, Евразия во взаимодействии и в противостоянии друг другу устойчиво воспроизводят оригинальные культуры; на «развалинах»

Византии примерно в тех же границах возникает Оттоманская империя, относящаяся к иному цивилизационному кругу, но наследовавшая многие характерные для своей территориальной «предшественницы» синтетические евразийские черты и т.д.), однако характерна она (с теми или иными исключениями) и для культуросферы в целом.

2.2. Понятийно-категориальный аппарат геокультурных исследований (общие подходы)

Научные понятия (и соответствующие им термины) выступают важнейшей составляющей инструментария любого исследования. Понятийно-терминологический аппарат отражает специфику изучаемого объекта, принципы и методы научного анализа, свидетельствует о теоретико-методологической «зрелости» науки [2]. Становление культурологического направления в географии, в этой связи, самым тесным образом сопряжено с формированием соответствующей, адекватно отражающей сложившиеся реалии культурогенеза системы специализированных (нацеленных на выявление предметно-объектной специфики географии культуры) научных понятий и категорий.

Разумеется, в условиях, когда геокультурологические подходы в российской науке только-только начинают складываться (причём, в огромной мере фрагментарно, не захватывая пока всю потенциальную сферу интересов географии культуры целиком), а сам понятийно-терминологический аппарат претерпевает сложный процесс становления, характеризующийся своей очевидной незавершенностью (отсутствием устоявшихся, общеупотребимых и единообразно трактуемых категорий, высокой степенью влияния субъективной позиции), любая попытка представить геокультурологические понятия в виде некоей сложившейся системы - оказалась бы преждевременной и малопродуктивной. Осознание данного обстоятельства предопределило авторский акцент лишь на некоторых геокультурологических категориях, оцениваемых как наиболее приоритетные, «узловые» в плане отражения реалий географического бытия культуры, познания геокультурного процесса.

Пожалуй, наиболее фундаментальным, несущим на себе особую методологическую и методическую «нагрузку» в понятийно-терминологическом «ряду» географии культуры, призванным отобразить не только различные стороны геокультурного процесса, но и его территориально-локализованные следствия, является по-

нятие территориальной организации культуры (ТОК) (рис. 3).

Рис. 3 Иерархия основных (базовых) геокультурологических понятий

Категория ТОК настолько ёмкая по своему содержанию, что охватывает все вопросы, касающиеся развития культуры в пределах геосферы (включая и территориально-культурное системобразование), качественные аспекты взаимодействия общества и природы, а также проблемы региональной культурной политики.

ТОК не только ключевое понятие, используемое в географическом исследовании культуры. Это и объективная реальность геосферы, выступающая интегративным объектом географии культуры и ряда смежных с ней регионально ориентированных разделов гуманитарных дисциплин. Кроме того, ТОК - это и междисциплинарная научная концепция, способная в перспективе объединить региональные географические, экологические, социологические и иные исследования в сфере культуры. Наконец, ТОК - неотъемлемая составная часть (подсистема) территориальной организации общества (ТОО) в целом.

Будучи многоаспектным, понятие ТОК нуждается в соответствующей конкретизации, формировании на его базе системы научных категорий. Так, в частности, руководствуясь сложившейся стратификацией социального процесса на его духовную, экономическую, политическую и иные аспектные составляющие (и, в этой связи, абстрагируясь от геокультурных реалий, где данные сферы теснейшим образом переплетены).

ны), можно говорить о *территориальной организации экологической культуры, территориальной организации политической культуры, территориальной организации экономической культуры* и т.д. как об относительно самостоятельных планетарных явлениях и процессах, подчиняющихся общим геокультурным закономерностям, но имеющих, при этом, и собственную территориальную специфику. Их исследования в рамках специализированных направлений ГК сопряжены с дополнительной разработкой частных (вспомогательных) геокультурных понятий.

Производной от ТОК, иллюстрирующей её важнейший аспект, выступает и понятие **«геокультурный процесс»**. Последний определяем нами как *обусловленное комплексом разнообразных территориальных факторов, а также внутренними механизмами и логикой культурогенеза пространственное саморазвитие культуры* (точнее, целого множества различных культурно-территориальных образований). И подобный подход к данной категории является, по-видимому, предельно «ёмким». При этом, правомерны и более частные формулировки геокультурного процесса, включая его рассмотрение (О.А. Лавреновой [61]) как особого «переплавления» культурной географической информации в семиотическую систему.

Развёртывание геокультурного процесса протекает (и, одновременно, выступает условием его становления) в **геокультурном пространстве**, инварианте географического пространства в целом, являющим собой *совокупность пространственных отношений между различными геокультурными феноменами*, развивающимися на конкретной территории.

Геокультурный процесс (как сторона единого целого) и геокультурное пространство (совокупность «пространств») соответствуют общей архитектонике ТОК, что предопределяет возможность их последующего структурирования по отдельным таксонам, иерархическим уровням, аспектам.

Рассматриваемая как особая планетарная структура, ТОК также неоднородна. Практически, она предстает в виде совокупности взаимодействующих друг с другом, разноуровневых и разноплановых территориальных образований (структур), функционирующих благодаря общему интегрирующему и системоформирующему воздействию культуры. Последние, а к их числу мы относим любые в той или иной степени обусловленные культурогенезом территориальные системы (безотносительно, идет ли речь о *территориальной общественной системе*, *природно-хозяйственной территориальной системе*, либо *антропогенном ландшафте*) можно объединить

общим понятием **«геокультурная система»(ГКС).**

В ТОК, как и в целом в культурогенезе, особо заметная роль принадлежит пространственно-локализованным группам населения, отличающимся друг от друга имманентными им и относительно специфичными способами деятельности (что, впрочем, закономерно сказывается и на их результате, т. е. состоянии территории и ее отдельных таксономических подразделений). Для идентификации подобных пространственных образований целесообразно ввести особое понятие - **«культурно-территориальная общность»**. Последнее во многом аналогично понятию социально-территориальная (территориальная) общность, уже вошедшему в географический научный обиход, отличаясь акцентом на приоритетность культурных условий и факторов в территориальном системообразовании. Учитывая значимость человека и его культуры в общественно-географических процессах, понятие «культурно-территориальная общность» может рассматриваться с качестве «стержневого» и в целом в обществоведческой «ветви» географии на стадии её общей гуманизации.

Одним из ведущих факторов формирования культурно-территориальных общностей выступает этногенез. Результатом взаимодействия различных этнических систем (с имманентной им куль-

турой) и территории (в свою очередь формирующей культуру этноса, представляющей своеобразной ареной его саморазвития) являются особые инварианты общественно-географических структур - **геоэтнокультурные системы (ГЭКС)**. Наличие последних - факт сложившейся ТОК.

В своих пространственных проявлениях рассматриваемое географическое образование несводимо ни к государству, ни к социально-экономическим территориальным системам (социально-экономическим регионам), ни, даже, к ареалу расселения конкретного этноса. Ведь когда мы говорим о ГЭКС, имеется в виду не просто исторически сложившаяся группа людей, объединенных общими особенностями культуры, психики, сознанием своего единства и самопознанием (т.е. «этникос» по терминологии видного отечественного этнографа и культуролога Ю.В. Бромлея [16]), а территориальная (географическая) целостность, локализованная в пределах определенного ареала и формируемая взаимодействием этнических общностей, антропогенезированных природных комплексов (ландшафтов) и особых форм пространственной организации общества (территориальных общественных систем) в процессе природопользования. При этом географические границы ГЭКС (весьма «прозрачные» и зыбкие, очерчивающие территории с преобладанием определенного этноса и его культуры в социоприродных процессах) могут лишь в отдельных случаях совпадать с геополитическими, либо геоэкономическими рубежами. Наряду с пространственным, существует и качественное (сущностное) своеобразие ГЭКС, проявляющееся в их генезисе, особенностях развития и функционирования, взаимодействии с иными территориальными образованиями.

Отражаемое понятием ГЭКС влияние этногенеза на территориальную организацию культуры (когда сам этнос выступает носителем определенных технологий, норм и стереотипов поведения, культурных ценностей) определяется в целом глубинным и всеобъемлющим процессом культурного саморазвития территории. Сам этнос, при этом, «культурен», а культура «этнична», и обе эти субстанции «территориальны», т.е. в развитии своем детерминированы географическими факторами и пространственно организованы.

Л.Н. Гумилев в своих трудах уже обращал внимание на роль ландшафта в формировании этноса [31]. Равнозначное, если не большее, воздействие оказывают на этногенез социально-экономические (в т.ч. и социально-политические) факторы, что в достаточно полной мере осознается этнографами, разрабатывающими специальное понятие «этносоциальный организм» [16]. В этой связи и точка зрения, согласно которой территория формирует этнос [54], представляется вполне обоснованной. При этом и этнос (с имманентной ему культурой в ее конкретных пространственных проявлениях), и территорию (как предпосылку формирования этноса) с позиций географии и регионалистики продуктивней рассматривать не сами по себе, а как некую целостность. Наличие подобной целостности, а практически совокупности разномасштабных и разноуровневых, взаимодействующих между собой в пределах планетарной оболочки особых географических образований (геоэтнокультурных систем) - факт сложившейся территориальной организации культуры, закономерность геокультурного процесса.

Понятие «геоэтнокультурная система» междисциплинарно по самой своей сути и позволяет аккумулировать усилия на исследовании важнейшей структурной составляющей («ячейки») крайне поляризованной пространственно-дифференцированной территориальной организации общества (в его взаимодействии с природой). По сути оно является необходимой теоретической предпосылкой анализа культурного саморазвития территории в ее конкретных пространственно-временных формах, поскольку акцентирует внимание на важнейших причинах (факторах) культурного регионализма, ориентирует на вычленение наиболее генерализованной и стабильной структуры геокультурного пространства. Выдвижение данного понятия в качестве самостоятельной научно-теоретической конструкции - не что иное, как попытка скорректировать ныне неадекватные территориальным реалиям предметные «рамки» этнографии (имеющей дело преимущественно с традиционно-бытовой культурой) и социально-экономической географии, в своем нынешнем качестве слабо ориентированной на изучении этнокультурной основы географических процессов.

Уточним, что понятие «геоэтнокультурная система», как базовое, фундаментальное в географии культуры и регионалистике, разрабатывается отнюдь не на пустом месте. В качестве исходного концептуального «задела» здесь можно назвать и представления о локальных цивили-

зациях (культурах), развиваемое в трудах Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, Э. Маркаряна, и заметное переосмысление роли социально-политических и экономических факторов в современных этнических процессах (что, в частности, проявляется в попытках введения в научный обиход понятия «социокультурный район», рассматриваемый как результирующая синтеза традиционнокультурных и социально-экономических общностей [17], пространственно-временных образований, отличающихся характерным образом жизни населения [3]), и стремление к определению сугубо географических объектов - территориальных общностей - как явлений культурного порядка [101], культурной (геокультурной) параметризации территориальных общественных систем [37].

Возможность (и необходимость) опоры на уже сложившиеся, достаточно апробированные теоретические конструкции определяется не только общей «включенностью» ГЭКС в территорию, в территориальные процессы, но и сложностью её собственной структуры, объединяющей все многообразие социоприродной реальности в пространственном ареале определенного этнокультурного влияния. Практически, исследование ГЭКС - это и анализ ландшафтной сферы, и изучение различных инвариантов территориальных общественных систем, и познание особенностей расселения этноса, и выявление географических закономерностей этнического сознания. При всей важности и необходимости покомпонентного анализа феномена ГЭКС - решающую роль в познании закономерностей ее развития и функционирования должен играть, полагаем, однако, синтетический, комплексный подход, исследование данной планетарной субстанции как особой пространственно-организованной этнокультурной целостности. Особо значимо, при этом, вычленение культурологического (геокультурного) аспекта во всех без исключения терри-

ториальных процессах и явлениях; сама территория (в ее особых качественных состояниях) должна рассматриваться как предпосылка, материальный субстрат и, одновременно, результирующая развития культуры этноса.

Представляя собой инвариант геокультурной системы, ГЭКС (как целостная, относительно устойчивая пространственно-временная социоприродная реальность, географическая результирующая этногенеза и культурогенеза) занимает в иерархии ключевых географических понятий весьма важное место (рис. 4).

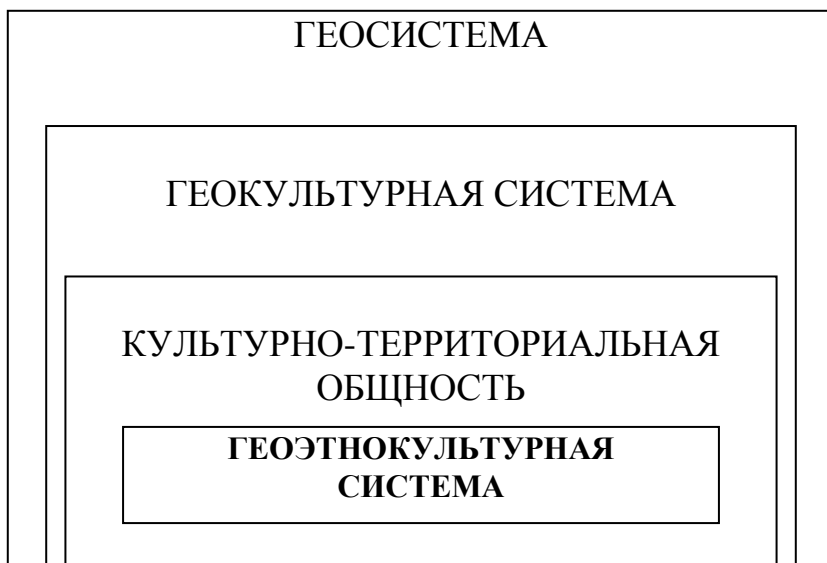

Рис. 4. Геоэтнокультурная система в иерархии ключевых геокультурных понятий

Главное, что роднит ГЭКС с геосистемами вообще - это их общая приуроченность к территории, территориальным процессам. Как и любая геокультурная система, ГЭКС в своем развитии и функционировании обусловлена культурогенезом. Последний в своих проявлениях весьма неравнозначен от места к месту, что в значительной мере сопряжено с географической дифференциацией культурно-территориальных общностей. ГЭКС - это особая культурно-территориальная общность, формирующаяся в процессе соразвития территории и соответствующего ей этнически организованного (и, следовательно, своеобразного в культурном отношении) населения. И хотя в любой точке геопространства взаимодействуют различные этнические культуры, и сама территория (в своей региональной и локальной конкретике) - производная поликультурного влияния, можно, тем не менее, вести речь и о доминантном (применительно к определенным географическим реалиям) этносе, и о доминантной культуре (последняя по сути своей всегда «этнична»). Именно благодаря ее воздействию на территориальные процессы (что, практически, возможно лишь в случае пространственной локализации «носителей» доминантной культуры) и формируется особый географический феномен - ГЭКС .

Сочетание элементов природы, населения и хозяйства в их взаимодействии на определенной территории

предопределяет «стыковой» характер понятия «геоэтнокультурная система», поскольку обозначаемая им реальность теоретически может выступать объектом весьма широкого спектра научных дисциплин (экономики, демографии, политологии, социологии и т. д.). Однако, лишь в контексте географического (а точнее - геокультурного) исследования возможно адекватное познание ГЭКС как территориальной целостности во всем многообразии ее свойств и отношений. И лишь географический подход к изучению данной реальности позволяет акцентировать внимание не только на пространственных особенностях ГЭКС, но и рассматривать последние как закономерную форму организации территории в их взаимодействии и иерархии. Иными словами, если для всех научных дисциплин ГЭКС - только объект исследования (а внимание неизбежно будет уделяться высвечиванию лишь отдельных сторон данного явления), то для географии (специального ее раздела) - это еще и предмет, что естественным образом предопределяет потенциальное лидерство географической науки в разработке геоэтнокультурной проблематики.

Хотелось бы подчеркнуть, что не только ГЭКС, но и все вышеназванные понятия (ТОК, ГКС и др.) могут найти своё применение как в самой географии культуры, так и в смежных разделах географической науки, иных отраслях научного знания. Данное обстоятельство лишней раз подчеркивает «сквозной» характер геокультурных исследований, их междисциплинарность. Названные категории несут важную методологическую «нагрузку», высвечивая «культурность» как неотъемлемое свойство территории, подчеркивая культууроформирующий характер территориаль-

ной организации общества в целом и ее отдельных географических таксонов.

Общепланетарная целостность геокультурного процесса сочетается с повсеместной географической дифференцированностью устанавливающихся между территорией (целым) и культурой (составной ее частью) взаимоотношений, а соответственно, и с наличием региональной и локальной геокультурной специфики. Последняя возникает благодаря способности самой территории продуцировать, аккумулировать и транспортировать определенные способы деятельности, технологии, иные культурные ценности, а следовательно, и условия для развития сущностных сил человека. Именно в саморазвитии территории (в «ходе» коэволюции природно-территориальных и общественно-территориальных образований) заключается, как нам представляется, основная причина культурно-географической дифференциации. Функции синтетического культурного индикатора территории (учитывающего ее деятельностное своеобразие, уровень саморазвития и т. п.) в геокультурологическом исследовании способна выполнять особая категория - **«геокультурная обстановка» (ГКО)**. Её разработка, а также, в целом, становление всей системы производных научных категорий (*эколого-культурная обстановка, политико-культурная обстановка* и др.), масштабные и «разноуровневые» исследования ГКО,

могут рассматриваться в качестве приоритетной научно-исследовательской задачи.

В контексте формирования представлений о ГКО особого внимания в условиях углубляющегося экологического кризиса заслуживает понятие *эколого-культурной обстановки (ЭКО)*. Последнее, по мнению автора, раскрывает не только качественную сторону бытия геосистем (меру их «экологичности», а следовательно, и «культурности»), но и иллюстрирует систему отношений между территориально организованной экологической культурой и развитием и функционированием соответствующих географических образований [42].

Эколого-культурная обстановка выступает интегрирующим предметом геокультурных исследований в сфере социальной экологии. В содержательном плане рассматриваемая категория призвана отразить территориально-диверсифицированные условия, степень и механизмы социоприродной адаптации. Причем, под «условиями» и «механизмами» в данном случае понимаются прежде всего те или иные аспекты бытия территориальных систем различных таксономических уровней и типов, процесс их развития. Характеризуемое особыми эколого-культурными категориями состояние способа природопользования в определенном момент времени и в конкретной точке геопространства позволяет, при этом, судить и о степени адаптированности деятельности к условиям природной среды (или, иначе говоря, об экопатологии), и о развитости существующих тому или иному общественно-территориальному

образованию эколого-культурных (адаптирующих) механизмов.

Необходимо отметить, что познание особенностей эколого-культурной обстановки (как и в целом ГКО) в отдельных странах и регионах имеет, помимо всего прочего, и огромное политико-идеологическое значение, поскольку позволяет аргументированно судить (разумеется, по сопоставимым показателям) об уровне социокультурного развития того или иного территориального (политико-территориального) образования. Ведь именно культура, её материализованное в параметрах территории (в ТОС) состояние - важнейший и наиболее верный критерий социального прогресса, «продвинутости» того или иного таксона геосреды в ноосферогенезе.

Сама правомерность постановки вопроса о «продвинутости» территориальных систем обусловлена тем, что в процессе своего развития последние обретают некие общие состояния под воздействием целого комплекса условий и факторов не одновременно, а в пределах обширного временного интервала. Закономерность эта, подчеркнутая применительно к явлениям духовной сферы¹ и в равной степени свойственная социальным процессам вообще, является первопричиной, иллюстрацией и следстви-

¹ Известный экономист и философ Ф. Хайек, в частности, отмечал, что «мышление одних и тех же стран подвержено в основном одним и тем же влияниям, но проявляются они в разное время и с различной скоростью. Поэтому, проезжая из одной страны в другую, можно дважды стать свидетелем одной и той же стадии интеллектуального развития» [93, С.114].

ем пространственной поляризованности культуры. Последняя носит объективный характер, а попытки её полного преодоления в конечном итоге малоэффективны и чреватые, к тому же, культурной стагнацией¹. Дифференциация ГКО между городами и их периферией, между урбанизированными и руральными регионами, между странами-«лидерами» и странами-«аутсайдерами» должна непременно учитываться при разработке и последующей реализации международной и региональной политики, а посему - быть в эпицентре внимания географической науки.

ГКО динамична, и причина тому - саморазвитие территориальных систем в «ходе» коэволюции природы и общества. Причем, полагаем, уместно говорить не только о культурной составляющей, но и направленности данного процесса. Последний отслеживается как в состояниях ландшафта (на Западе рассмотрение культурного ландшафта как своеобразной иллюстрации отношений общества с пространством и природой давно уже приобрело элемент традиционности [112]), так и во многом формирующих его облик территориальных общественных системах.

Учитывая, что в ретроспективе (как, впрочем, и в перспективе) любая геосистема предстает вереницей сменяющих друг друга собственных

¹ Сказанное вовсе не означает, что от каких-либо специальных мер по «nivelированию» культурных различий следует полностью отказаться. Наоборот, последние необходимы в качестве «компенсатора» чрезмерной территориальной поляризации культуры, также имеющей свои негативные следствия.

инвариантных состояний,¹ важным направлением геокультурных исследований может стать разработка представлений о территориальных структурах, в функционировании своем в наибольшей степени созвучных целям социального (культурного) прогресса, определение (с учетом всей совокупности территориальных факторов) оптимальных путей их объективизации.

Поскольку подобные территориальные образования изначально характеризуются высшей (по сравнению с их «предшественниками») культурной эффективностью, а сама культура, при этом, выступает ведущим механизмом достижения геосистемой своего новационного состояния, для его обозначения мы сочли целесообразным ввести понятие **«территориальная система культуры» (ТСК)**, раскрывая последнюю как исторически обусловленную пространственно-временную форму общественного воспроизводства, создающую в процессе своего функционирования максимально благоприятные условия для развития сущностных сил человека.

¹ По мнению Г.А. Гольца, основное направление развития территориальной структуры - это скачкообразный переход социально-экономических районов сегодняшнего дня к социально-культурным, социально-природным и социально-информационным районам будущего [26]. В этой связи небезинтересна и попытка Г.И. Швевса связать адаптивное развитие с непрерывным поиском «климаксных» («субклимаксных») состояний и их смен, каждое из которых соответствует определённому типу ноосферной цивилизации [99, С.418].

ТСК - не данность, а идеал, к которому следует стремиться [40]. Подчеркивая это, хотелось бы одновременно акцентировать внимание на принципиальной невозможности управления территорией, а в этой связи, и культурой (территориальным феноменом). Ведь ТСК формируются в процессе социоприродной адаптации как самоорганизующиеся таксоны геосреды, а сам культурный прогресс в целом носит естественноисторический характер (здесь уместно обратиться к мнению В.И. Вернадского, полагавшему, что «стихийно, как проявление естественного процесса, создание ноосферы в ее полном проявлении будет осуществлено...» [91, С. 97]), что не исключает, впрочем, необходимости реализации социальным субъектом сознательных целенаправленных усилий по его стимулированию. Причем, чем сложнее и многограннее планетарный культурный процесс, чем он масштабнее, тем более осознанным должен быть подход к образованию ТСК, тем актуальнее проблема культурного регулирования. В этом контексте, вполне закономерно стремление определить современное развитие географической оболочки как период, «характеризующийся осознанным взаимодействием природы и общества» [99, С. 416]. Хотя само наше «осознание» социоприродных реалий не стоит абсолютизировать, поскольку оно всегда исторически ограничено. Да и любой социально направляемый процесс - лишь

составляющая глобального саморазвития Природы.

Формирование представлений о ТСК в общем контексте становления геокультурного подхода в географии должно быть тесно взаимосвязано с дальнейшим развитием взглядов и воззрений на **«культурный ландшафт»**.

По весьма удачному (в первую очередь благодаря его универсальности) определению Ю.А. Веденина, культурный ландшафт - это «целостная и территориально локализованная совокупность вещества, энергии и информации, сформировавшихся в результате спонтанных природных процессов, преобразовательной и интеллектуальной созидательной деятельности людей» [19, С.6].

Несмотря на то, что данная категория для географии в целом достаточно традиционна, её однозначное толкование до сих пор отсутствует. При этом, во всей совокупности взглядов российских географов на «культурный ландшафт» явственно различимы две основные позиции. Если в одном случае внимание акцентируется преимущественно на самом факте «включенности» культуры в антропогенизированный природно-территориальный комплекс [19, 74, 82, 83], то в другом - рассматриваемое понятие используется лишь применительно к природно-территориальным комплексам, достигшим в ходе коэволюции природы и общества определенного качественного состояния [37, 49, 50].

Рассматривая культурный ландшафт как особый инвариант антропогенного ландшафта (при ином подходе данные категории оказываются практически тождественными и одна из них становится попросту ненужной), отметим, что само

его образование взаимосвязано с функционированием ТСК, т.е. территориальной структурой, «задающей» культурному ландшафту определенные параметры (что, практически, и определяет его «культурность»). Поэтому, если сам культурный ландшафт можно с полным основанием рассматривать в качестве основополагающей цели территориальной политики, то условием и специфическим инструментарием ее реализации выступает как раз-таки ТСК. Важно, при этом, учитывать, что «не существует и не может существовать некоего эталона, или идеала культурного ландшафта» [50, С. 158]. Само представление о культурном ландшафте требует максимальной региональной адаптации. Столь же адекватными местным условиям должны быть и меры, регулирующие процесс становления ТСК. Все это требует всестороннего географического обоснования процессов культурного развития (в их территориальной конкретизации), формирует обширную предметную сферу для географии культуры.

Культурное саморазвитие территории во многом обусловлено функционированием особой институции - **культурной инфраструктуры** [37]. Последняя, как и всякая составляющая геокультурного процесса, предстает как реальность территориально организованная, перманентно взаимодействующая с ТОК и территориальной организацией общества в целом. Подобная ситуация

позволяет отнести к числу базовых в геокультурном исследовании и понятие **«территориальной системы культурной инфраструктуры» (ТСКИ)**, рассматриваемой нами как *целостное сочетание локализованных на определенной территории объектов культурной инфраструктуры*, создающих общие условия для воспроизводства традиций, технологий, способов деятельности, иных культурных феноменов и, тем самым, обеспечивающих траекторию геокультурного процесса, формирующего, в конечном итоге, культурное «лицо» территории.

Понятийно-категориальный аппарат географии культуры в идеале должен быть в максимальной степени сориентирован на отражение всего многообразия изучаемого данной субдисциплиной феномена. В этой связи, углубленные географические исследования любого культурного явления или процесса (культурная ли это поляризация, регионализм, инновация, либо что-то иное) неизбежно потребуют его дальнейшего развития и совершенствования. Последнее, в свою очередь, сопряжено с последующим формированием теории, методологии и методов геокультурного анализа, с конкретными региональными и страноведческими исследованиями в сфере географии культуры.

3. Основные особенности и закономерности территориальной организации культуры

3.1. Культурный регионализм: причины, тенденции и основные проявления

Географическая дифференциация культуры, несхожесть последней от места к месту - одна из фундаментальных особенностей ТОК, порождаемая не одним, а целым комплексом разнообразных факторов и обстоятельств. Последние, полагаем, можно объединить понятием **культурный регионализм**, «ёмким» и полиаспектным, очерчивающим:

- самостоятельную планетарную реальность, состояние культуросферы, складывающееся во взаимодействии этногенеза и культурогенеза под влиянием территориальных предпосылок и факторов;

- универсальный механизм пространственной самоорганизации, фундаментальную причину обособления геоэтнокультурных структур, их взаимозависимости;

- магистральный вектор направленности геокультурных процессов;

- инструментарий научного осмысления многообразных проявлений пространственно-

временной культурной динамики, аспектный, концептуально оформленный взгляд на геоэтнокультурные реалии, т.е., фактически, методологию геокультурного анализа.

Говоря о *культурном регионализме*, мы имеем ввиду не любые, а *преимущественно качественные пространственные культурные различия*, обусловленные глубинными закономерностями территориального саморазвития культуры, представляющего как *соразвитие множества разноразноуровневых, относительно самостоятельных культурно-территориальных целостностей с имманентными им «законами» географического «поведения», собственной геокультурной «судьбой»*.

В этой связи и рост (углубление) культурного регионализма (спонтанно активизирующаяся то для одной, то для другой геокультурной системы тенденция) в своих сущностных проявлениях сводится не только (и не столько) к усилению культурно-географической дифференциации, сколько к росту числа и, что еще важнее, разнообразия геокультурных образований, возрастанию их автономности, а тем самым, и большему обособлению в рамках единого общепланетарного культурного процесса его отдельных составляющих.

Исследование географии русской культуры позволяет полагать, что регионализация (рост культурно-территориального разнообразия, «автономности», само-

достаточности отдельных культурных регионов) подчиняется общим законам цикличности [46].

Становление древнерусского государства со столицей в Киеве, распространение византийской инновационной «волны» знаменовали собой доминанту центростремительных (интегрирующих отдельные культурно-территориальные общности) процессов. Одновременно, по мере укоренения инновации, усложнения геокультурного каркаса территории, роста социокультурного потенциала региональных центров, множились факторы децентрализации. Политическая дезинтеграция Древней Руси стала фактом к XII веку, т.е. на возврат ГЭКС к предшествующему состоянию региональной разобщённости ушло примерно 3 - 4 столетия.

Впоследствии наблюдалась кардинальная переструктуризация геопространства русской культуры, обозначился процесс формирования Великороссии как обновлённой формы её географического бытия, но при этом характерно, что и центробежные тенденции доминировали сходный (с предыдущим централистским периодом) отрезок времени, т.е. тоже 3 - 4 столетия, вплоть до XVI века, когда сложилось централизованное Московское Государство. Учитывая, что в дальнейшем геокультурные процессы развивались в самом генерализованном виде по уже традиционному сценарию (обособление регионов, «уплотнение» геокультурного пространства, рост социокультурного потенциала периферийных территорий, регионального самосознания и т.п.), полагаем, что именно XX столетие - во многом поворотное в переходе к децентрализованной модели географического бытия русской культуры. И хотя в советский период сложившаяся тогда форма правления отсрочила данный процесс, формирование геокультурных предпосылок регионализации шло весьма интенсивными

темпами. Частичным её проявлением (главенствующую роль здесь, правда, играли факторы иного рода) стал распад СССР. В постсоветский период (с присущим ему нарастанием межрегиональных диспропорций, гипертрофированной концентрацией финансово-экономического потенциала в «центре») наметилась территориальная дифференциация в «скоростях» регионализации (одни регионы оказались в жёсткой финансовой и иной зависимости от федеральных структур, другие уверенно идут по пути наращивания собственного «суверенитета»), на фоне затяжного спада возрос риск социокультурной деградации провинции (что не может не вызвать противодействия), обозначилась межрегиональная конкуренция, наметилось расхождение интересов субъектов Федерации. В конечном итоге всё это также «работает» на регионализацию России.

Глубинные причины культурного регионализма, равно как и порождаемой им культурно-территориальной дифференциации, обусловлены общими закономерностями взаимодействия природы и общества, специфическими функциями культуры как механизма социоприродной адаптации. Именно в ходе адаптации происходит закрепление определенных способов деятельности и одномоментное «вымывание» нежизнеспособных элементов культуры с соответствующим формированием обособленных регионов со специфическим набором культурных характеристик.

Сам феномен адаптации поликомпонентен и в контексте исследования причин культурного регионализма предстаёт сочетанием:

- адаптации к природным условиям и факторам (т.е. к природным ландшафтам), причем на ранних стадиях культурогенеза данный ее инвариант имел по всей видимости основополагающее значение, в том числе и в этногенезе (последнее обстоятельство неоднократно подчеркивалось Л.Н. Гумилевым);

- адаптации к социоприродным факторам (к особенностям территориальной организации общества, если оперировать экономико-географической терминологией);

- адаптации к самой культуросфере, процессам ТОК - формированию, развитию и функционированию региональных и суперрегиональных (общепланетарных) геокультурных структур.

Ширящееся воздействие социоприродных и собственно геокультурных факторов на ТОК и, соответственно, культурный регионализм (проявляющееся как долговременная тенденция) - напрямую связаны с самим процессом культурогенеза. Последовательное развитие адаптационных механизмов, т. е. самой культуры, закономерно взаимообусловлено с адекватной трансформацией различных инвариантов территориальных общественных систем (территориальных социально-экономических, территориально-политических и др.), фактически выступающих способом ее географического бытия. Это, в свою очередь, предопределило их все возрастающую культуроформи-

рующую значимость, способность локализовать геокультурный процесс, придавать ему определенную специфику и направленность.

Современный культурный регионализм с характерным ему соразвитием не только разноразноуровневых геокультурных систем (локальных, региональных и др.), но и культурно-территориальных образований, относящихся к различным этапам культурогенеза (от присваивающего хозяйства до постиндустриального общества), в значительной мере порождён и протекающими на всех «этажах» территориальной иерархии интеграционно-дезинтеграционными процессами. Характерно, в этой связи, что наблюдаемое ныне становление глобальной культурной целостности сопровождается не только культурной унификацией, но и одномоментным усилением региональных культурных различий, дальнейшей культурной диверсификацией территории. Сама же культурная унификация встречает все более заметное противодействие со стороны регионального и этнического (этнокультурного) сепаратизма (как организованного, так и стихийного, спонтанного), а сложившаяся «сетка» культурных регионов не только сохраняется в своих основных пространственных параметрах, но и обретает более сложную (за счёт саморазвития геокультурных систем, активизации межцивилизационных и ме-

жэтнических контактов и др.) внутреннюю структуру.

Аналогичная картина характера, впрочем, и для соответствующих процессов на региональном уровне. Консолидация древнерусских земель в X веке и связанное с ней «размывание» системы этнокультурных территориальных объединений (племён) шло параллельно с формированием сети «новых», имманентных самой Киевской Руси регионов, причем границы тех и других во многих случаях оказывались практически тождественными [88].

В уже более поздний период (XV - XVI в. в.) на смену культурно-политической интеграции великорусских княжеств в составе московского государства закономерно приходит культурная дифференциация, обособление (сперва малоощутимое, а впоследствии всё более масштабное) культурно-территориальных структур под воздействием природных, этнических и иных факторов.

В этой связи сам *культурный регионализм* можно с достаточным на то основанием рассматривать в качестве особого *механизма геокультурной преемственности и геокультурного обновления*, условия не только поддержания определенного уровня культурно-географического многообразия, но и необходимого качественного видоизменения последнего - основы жизнеспособности глобальной геокультурной системы в целом, ее устойчивости и возможности успешно адаптироваться к меняющимся географическим факторам.

Современная сложноструктурированная и иерархически упорядоченная система культурно-территориальных образований (последние, в свою

очередь, предстают взаимообусловленными сочетаниями отдельных геокультурных систем и т. д.) позволяет вести речь как минимум о пяти основных территориальных уровнях культурного регионализма. Причем, в данном случае имеются ввиду лишь структуры, отличающиеся относительной обособленностью в глобальном геокультурном процессе, целостностью, способностью к саморазвитию, т. е. интегральные геокультурные образования, а не их многочисленные производные на основе территориального формообразования отдельных культурных феноменов (религии, языка и т. п.).

Объективные реалии культуросферы, когда каждому уровню пространственной самоорганизации культуры в принципе соответствует (либо может соответствовать) определенный ее этнический субстрат, определенная форма и способ ее географического бытия, в самом обобщенном, схематизированном виде могут быть представлены следующим образом (табл.).

При этом имеется ввиду лишь общее соответствие продуцируемых культурогенезом территориальных структур, а не их полное географическое тождество. Любая геокультурная система, вообще, - явление уникальное. И даже группируемые в один и тот же иерархический уровень данные территориальные образования - довольно сильно разнятся между собой генезисом, геодина-

микой, территориальной структурой и, наконец, самым масштабом распространения на планете.

Таблица

Основные уровни пространственной самоорганизации культуры (культурного регионализма)

Уровень пространственной самоорганизации культуры	Соответствующие ему:			
	Этнический субстрат геокультурного процесса	Форма географического бытия культуры	Способ географического бытия культуры	
Социально-экономический аспект			Геополитический аспект	
Глобальный	Этносфера	Общепланетарная геокультурная система	Глобальная территориальная социально-экономическая система (ТСЭС)	-
Суперрегиональный	Суперэтнос	Суперрегиональные ГЭКС (цивилизации)	Межгосударственные социально-экономические объединения, ТСЭС крупных государств	Военно-политические блоки, отдельные государства
Региональный	Этнос	Региональная ГЭКС	ТСЭС государств, социально-экономические регионы круп-	Отдельные государства, крупные административно-террито-

			ных государств	риальные единицы
Субрегиональный	Этнос, субэтнос	Субрегиональная ГЭКС	Региональные и субрегиональные ТСЭС	Административно-территориальн. единицы мезоуровня
Локальный	Субэтнос	Локальная ГЭКС	Локальная ТСЭС	Административно-территориальн. единицы микроуровня

Достаточно, в этой связи, лишь сопоставить Запад, Исламский мир, Великороссию, Китай, другие культурные суперрегионы (цивилизации), чтобы придти к однозначному выводу - геокультурная реальность столь сложна и богата в своих проявлениях, что любая ее схематизация сопряжена с высокой степенью абстракций.

Территориально-системная иерархичность, предопределяющая возможность подразделения культурно-территориальных образований на локальные, субрегиональные, региональные, суперрегиональные (цивилизации) и, наконец, общепланетарную - лишь одна из основополагающих (базовых) «черт» культурного регионализма. К числу его *универсальных закономерностей*, полагаем, можно также отнести:

- *поступательно-циклический характер внутренней динамики* (вследствие своей «этничности») система последовательно проходит все

стадии от зарождения до стагнации и гибели с воспроизводством культурного компонента в обновлённых территориально-системных формах);

- *инновационный динамизм*, особую роль нововведений (внешних и внутренних) как «движущей силы» регионогенеза;

- *поляризованность геоэтнокультурного пространства*, позволяющую подразделять геокультурную систему (ГЭКС) на её ядро, периферию, буферные (контактные) зоны, вычленять эпицентр регионогенеза, отслеживать его траекторию;

- *устойчивую внутреннюю территориальную структурированность* геокультурного образования, «консерватизм» его субрегиональной структуры, самосохраняющейся под влиянием географических факторов в многочисленных трансформациях.

Рассматривая основные особенности культурного регионализма, нельзя не акцентировать внимание и на явственно просматривающейся (на фоне формирования одних и пространственной дезинтеграции других геокультурных целостностей) магистральной тенденции все большей глобализации геокультурных процессов. Это проявляется, в частности, как в последовательном становлении всё новых (высших по своей иерархии) уровней культурно-территориальной системности - регионального, суперрегионального (цивилиза-

ционного), а ныне и глобального, так и в общем возрастании значимости последних в планетарной культурной динамике, их последовательной трансформации в доминантные уровни культурного регионализма. Данные уровни, кстати, всегда следует отличать от «базовых», как правило отстающих от доминантных на одну-две иерархические ступени.

В отличие от доминантного уровня культурного регионализма с характерным ему предельно масштабным системообразованием, базовый представлен наиболее распространенными и «укорененными» на каждом конкретном этапе геокультурной истории инвариантами культурно-территориальной общности, являющимися как бы исходным «материалом» для конструирования высших «этажей» культурной иерархии. Так, например, в период зарождения первых региональных культурных структур (цивилизаций) в качестве базового длительное время выступал локальный уровень культурного регионализма (представленный племенными объединениями [88]). В современной ситуации, на фоне конституирования глобальной геокультурной системности, роль базового все ощутимей переходит от регионального к суперрегиональному уровню, причем и более дробные (локальные) структуры не утрачивают ни своей относительной автономности, ни значимости в пространственном саморазвитии культуры.

В процессе спонтанной переструктуризации культуросферы, развития геокультурных систем, усиления и усложнения культурного регионализма - в целом видеоизменяются и иерархические уровни географического бытия отдельных культур (само соотнесение той или иной культурно-территориальной общности с определенным уровнем пространственной самоорганизации культуры - это самостоятельная сложная исследовательская задача, связанная с анализом особенностей всей планетарной системы культуры в целом, учетом роли конкретной культуры в региональных и глобальных процессах, оценкой характера ее взаимодействия с другими культурами, отслеживанием особенностей ее геодинамики и т.д.). В частности, в уже поддающийся более или менее детализированному историко-географическому исследованию период времени из регионального в суперрегиональное явление трансформировалась русская культура. Еще «круче» оказалось восхождение по ступеням геокультурной иерархии у мусульманской (арабской) культуры (с субрегионального до суперрегионального уровня). Впрочем, фактов подобного рода много.

Иной случай, когда речь идет о диаметрально противоположном, попятном движении, поскольку проиллюстрировать данную ситуацию примерами довольно трудно. Подобное положение

ние в какой-то мере связано со стабильным (в течение последних по крайней мере пяти тысячелетий) «доформированием» все новых и новых уровней пространственной культурной самоорганизации и, тем самым, перманентным «открытием вакансий» на верхних этажах иерархии; однако не только (и не столько) с этим.

Полагаем, сам культурно-территориальный процесс в силу самой своей природы вообще не может идти вспять¹. Умирают этносы, уходят в географическое небытие соответствующие геоэтнокультурные системы, территориальные социально-экономические системы, государственные образования, но имманентная им культура не исчезает бесследно. Она самосохраняется в обновлении, видоизменяя свои сущностные характеристики и географические проявления и, тем самым, продолжая «жить» в своих новых территориальных формах.

3.2. Пространственная поляризация культуры

¹ Под движением вспять в данном случае понимается прежде всего обусловленное теми или иными причинами снижение «статуса» отдельной конкретной культуры в территориальной иерархии, а не качественная деградация культур, безусловно имеющая место.

Обособление целостных, саморазвивающихся культурно-территориальных образований теснейшим образом взаимоувязано с другим, также имманентным ТОК явлением - с **пространственной поляризацией культуры**. Заметим, что именно культурный регионализм создает необходимые географические предпосылки поляризации, поскольку последняя возникает лишь на основе геокультурной системности, причем, сам факт поляризации является наиболее веским доказательством системоформирующих территориальных взаимоотношений.

Учитывая, что поляризация, в свою очередь, придает территориальным структурам относительную устойчивость (дополнительный центростремительный импульс), продуцирует культурную дифференциацию в пределах каждой геокультурной системы (количественную, а на ее основе и качественную, проявляющуюся, в частности, в обособлении «центрального» (столичного) региона, полупериферии, периферии), в равной мере справедливо и обратное утверждение: поляризация - важнейший фактор становления и функционирования культурно-территориальных образований.

В этой связи, *мы рассматриваем и культурный регионализм, и геокультурную поляризацию - как две стороны единого геокультурного процесса*. Самостоятельное их исследование позволяет

попеременно акцентировать внимание либо на его качественном (регионализм), либо на количественном (поляризация) аспекте, а анализ взаимодействия данных тенденций - адекватно оценивать культурно-территориальную динамику в целом.

Характеризуя пространственную поляризацию культурных (и, шире, социальных) явлений и процессов как одну из основополагающих географических закономерностей, универсальное свойство территории,¹ необходимо выделить несколько важнейших её моментов. Концентрация (а зачастую и гиперконцентрация) отдельных культурных феноменов на локальных участках территории сопровождается количественной, а на ее базе и качественной дифференциацией географического пространства, формированием геокультурных «центров» (или своеобразных ядер поляризации), становлением особых иерархических отношений (системы взаимоотношений) между различными «центрами», а также между центрами и периферией. В этой связи отметим, что наряду с сугубо внешними проявлениями (углублением пространственных различий по тем или иным количественным и качественным параметрам и признакам, складыванием особой территориально-системной иерархии) поляризация характеризуется и глубин-

¹ Данное обстоятельство закономерно активизирует исследования по проблематике географической поляризации, в том числе и в нашей стране [28]

ными (на уровне конкретной геокультурной системы) тенденциями: конституированием функциональных особенностей отдельных территориальных подразделений, усилением их взаимозависимости в рамках единого целого.

Важнейшим географическим проявлением (и, одновременно, предпосылкой) поляризации выступает **геокультурный каркас территории (ГКК)**, представляющий собой относительно устойчивую, иерархически упорядоченную территориальную структуру, формируемую взаимодействием наиболее значимых в культурном процессе на каждом конкретном его этапе территориальных общественных систем.

Изучение геокультурного каркаса непременно должно быть «многослойным», когда территориальная реальность исследуется последовательно уровень за уровнем (общесистемный, региональный, локальный; интегративные элементы ГКК, ГКК отдельных составляющих конкретной геокультурной системы, наподобие культуры инновационной и культуры традиционной и т. д.) в строгой «привязке» к общему ходу геокультурного процесса. Если же акцентировать внимание на проблематике русской культуры, то характеризуя её ГКК можно, в первую очередь, указать на наиболее «весомые» его элементы: ТОС регионального «ранга», общесистемные и региональные центры. Фиксируя, в этой связи, сопряжённость эле-

ментов ГКК и поселенческого каркаса, территориальной структуры страны в целом, всё же отметим «вынесенность» в отдельные периоды составляющих ГКК и за пределы урбанистического каркаса (т.н. «усадебная культура», опирающаяся на разветвленную монастырскую сеть православная культура и др.).

Любая геосистема, и в особенности ТОС регионального «ранга» - явления в пространственном отношении весьма поляризованные, располагающие, в частности, и собственным ГКК, и установившейся между элементами ГКК, а также между последним и остальными составляющими региональной ТОС системой отношений «центр-периферия» с соответствующей дифференциацией их функций и «веса» в геокультурном процессе. Сказанное не исключает, тем не менее, возможности для выявления самых общих пространственных контуров ГКК Великороссии подходить к исследованию региональных ТОС и как к определенной целостности. Учитывая геокультурную реальность, последние, даже в случае очевидной возможности их определения в качестве составляющих ГКК (основным индикатором здесь является фиксируемая целым рядом социокультурных показателей общая «продвинутость» региона, его способность осуществлять многоканальное устойчивое культурное воздействие на сопредельные территории), следует, одновременно, отличать от

узловых элементов ГKK, т.е. отдельных населенных мест (и их группировок), как правило выполняющих функции общесистемного либо региональных «центров» и несущих на себе в воспроизводственном процессе культуры фактически основную нагрузку.

Анализ местоположения регионов Российской Федерации в системе отношений «центр-периферия» (на основе учета особенностей территориальной дифференциации динамики населения, структуры его занятости, специализации хозяйства, объемов инвестиций и др.) позволяет выделить два «центральных» региона (Московская и Санкт-Петербургская агломерации), являющихся важнейшими, узловыми элементами великорусского геокультурного каркаса, обширную полупериферию и периферию.

Полупериферия (равно как и периферия) по своему составу неоднородна. Опираясь на учет тенденций развития отдельных регионов, целесообразно различать динамичную полупериферию (сюда относятся Саратовская, Нижегородская, Владимирская, Тульская, Свердловская области, Европейский Север и др.) и полупериферию с тенденциями стагнации (отдельные регионы Юга России, области Центрально-Черноземного экономического района, подавляющая часть регионов Поволжья, Западный Урал, Западная Сибирь, Приморье и др.).

Охватывая обширные территории России, полупериферия является второй по значимости (после общесистемных центров) составляющей геокультурного каркаса. Именно к полупериферийным территориям приурочены социокультурные центры межрегионального и регионального значения (Екатеринбург, Новосибирск, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону и др.).

В числе периферийных особую группу составляют депрессивные территории исторического геокультурного ядра Великороссии (Ивановская, Костромская, Калининская, Ярославская, Псковская области и др.). Культурная стагнация регионов Нечерноземья обозначилась, по существу, еще в XV - XVI в.в. в период формирования централизованного государства, а с середины XVIII столетия в связи с выносом узловых элементов геокультурного каркаса на вновь присоединенные к Империи территории - обрела характер стабильной долговременной тенденции. Разветвленная система расселения, сосредоточие средних и малых городов, попеременно игравших важную роль в великорусском геокультурном процессе, при этом, заметно отличают данный регион от слабоосвоенной «периферии окраин» (Северо-Востока России) и крайне депрессивной в социально-экономическом отношении «периферии периферии» (Калмыкия, Чечня, Ингушетия, Дагестан, Тува, Алтай).

Размещение узловых элементов ГKK в целом соответствует общим тенденциям геодинамики Великороссии. При этом характерна не только высокая степень «разветвленности» узловых элементов ГKK, неоднозначность их «веса» в культурном процессе (целесообразно, в частности, вычленять общесистемные, т.е. общерусские, межрегиональные, региональные и локальные элементы), но и изменчивость местоположения отдельных геоструктур в соответствующей территориальной иерархии на различных стадиях (этапах) развития русской культуры.

Специальный анализ¹ позволяет выделить лишь несколько городских поселений, устойчиво сохраняющих свой высокий геокультурный статус. Это Москва (с середины XV в.) и Санкт-Петербург (с первой половины XVIII в.), выступающие в качестве общесистемных узловых элементов ГKK Великороссии, а также Воронеж (со 2-й половины XVII в.), Нижний Новгород (с конца XVI в.), Казань (с середины XVIII в.) и, в определенной степени, Киев (с X по XIII в. выполнявший функции эпицентра развития русской культуры, однако в значительной мере дистанцированный от её общей геодинамики в XIV и XV в. в) и Харьков (с середины XVIII в.), поскольку последние с распадом СССР закономерно теряют свое былое значение для русской культуры.

На фоне утраты своих ведущих позиций отдельными элементами ГKK наблюдается и спонтанное развитие новых геокультурных центров. Так, уже в советский период в качестве важнейших узловых элементов ГKK проявили себя Новосибирск, Омск, Челябинск, Пермь, Волгоград и Владивосток. Значимыми для развития русской культуры оказались и расположенные за пределами собственно Великороссии (в её контактных зонах, геокультурном поле) Минск, Донецк, Запорожье, Одесса и Днепропетровск (последние два - с XIX века). Сюда можно отнести и Алма-Ату, Фрунзе (ныне Бишкек), Ташкент, Душанбе, Ашхабад, Баку и Тбилиси, с середины XX столетия благодаря интенсивным миграционным и ассимиляционным процессам интеграции культур обозначившихся в качестве не только городов - ретрансляторов русской культуры по всей южной

¹ Первостепенное внимание было уделено наиболее значимым в геокультурном процессе общерусским и межрегиональным узловым элементам ГKK. Перечень последних заимствован из [88].

периферии Евразийского культурного ареала, но и центров её воспроизводства.

В этой связи, характеризуя пространственные особенности ГKK Великороссии, целесообразно различать как основной ареал локализации его узловых элементов, так и отдельные, вынесенные за пределы последнего, составляющие ГKK: образуемую "цепочкой" столиц союзных республик южнорусскую геокультурную ось и несколько вынесенный на периферию ГKK Минск.

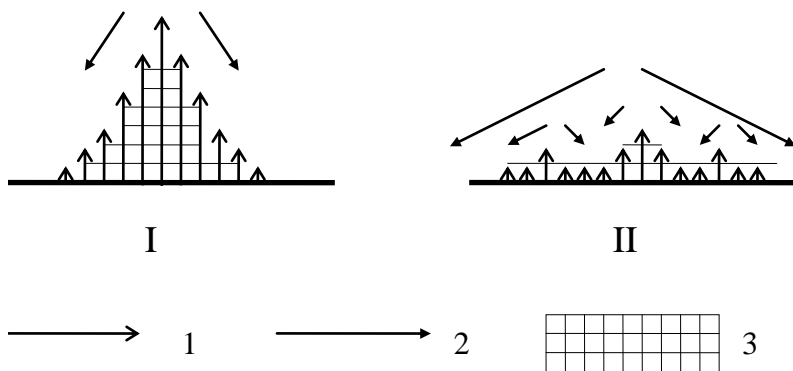
В целом же современный ГKK с его весьма сложной территориальной структурой (а даже в пределах ареала локализации основных элементов ГKK на основе учета природных, этнических и иных факторов, исторических особенностей освоения того или иного региона русской культурой возможно вычленение отдельных региональных группировок: Центральной, Северо-Западной, Поволжской, Южнорусской, Урало-Сибирской) - результат многовекового геокультурного процесса. Причем, само развитие ГKK можно охарактеризовать как поступательное (т.е. сопряжённое с уплотнением ГKK, усложнением его структуры, расширением пространственного ареала и др.) лишь применительно к функционированию конкретной ГЭКС, в частности к Великороссии, причем лишь на определенном этапе её развития. Характерно, в этой связи, что с переходом в XIII - XV в. в русской культуре к новой форме её географического бытия заметно видоизменился не только ареал локализации узловых элементов ГKK (оказался "вынесенным" на северо-западную периферию древнерусской ГЭКС, сократился по своей площади), но и произошло общее разуплотнение ГKK (что проявилось, в первую очередь, в резком сокращении числа городов, вновь достигшего "домонгольского" уровня лишь к XVII в. [88]).

Формирование узловых элементов ГKK Великороссии и обусловленное им расширение границ доминантного

влияния русской культуры приобрело характер долговременной тенденции с XVI в. Первоначально (XVI - XVII в.в.) в качестве новых значимых для развития русской культуры центров выступили города Поволжья (Астрахань, Саратов, Симбирск, Ярославль, Кострома), на юге - Воронеж. Начался процесс становления культурных центров Сибири (Тобольск, Тюмень, Красноярск). Роль узловых элементов великорусского ГKK вновь обрели Киев, Чернигов, Смоленск. В последующий период (XVIII - XIX в. в.) наблюдалось как дальнейшее уплотнение ГKK на уже освоенных русской культурой территориях, так и появление новых узловых его элементов на периферии (приобретший общесистемную значимость Санкт-Петербург, Харьков, Екатериноград, Одесса, Екатеринбург, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Иркутск и др.). Сходные тенденции были характерными и практически для всего XX столетия. Лишь к 90-м годам с распадом СССР ситуация коренным образом видоизменяется. Оказавшись за пределами российского государства, узловые элементы великорусского ГKK, даже продолжая оставаться центрами воспроизводства русской культуры (определенное, в отдельных случаях, возможно, довольно продолжительное время), как составляющие иноэтнических территориальных структур - неизбежно утрачивают свою культууроформирующую по отношению к русской культуре функцию, а тем самым, и перестают выступать в роли компонентов её ГKK.

Современный период характеризуется кардинальной трансформацией всего ГKK Великороссии: потерей многих его важнейших "звеньев", очередным (после реструктуризации русской культуры в XIII в.) сокращением ареала. На этом фоне приоритетные позиции в ГKK переходят к находившимся ранее как бы "во втором эшелоне" социокультурным центрам регионального значения, расположенным на территории собственно Российской Феде-

рации (в первую очередь это касается центров, составляющих с тяготеющей к ним территорией динамичную полупериферию - Владивостока, Волгограда, Ростова-на-Дону и др.). Одновременно гипертрофированные формы приобретает социокультурная дистанцированность Московской агломерации (ориентированной на выполнение общеевразийских функций) от прочих элементов ГКК, всей системы русской культуры в целом.

- I** - монополярная модель с доминантой вектора поляризации;
II - полиполярная модель с доминантой вектора деполяризации;
1 - вектор поляризации; **2** - вектор деполяризации;
3 - потенциал поляризации территории

Рис 5. Взаимодействие поляризации и деполяризации территории (принципиальная схема)

Конструирующая структура ГКК геокультурная поляризация разворачивается «в паре» с диаметрально противоположной ей тенденцией

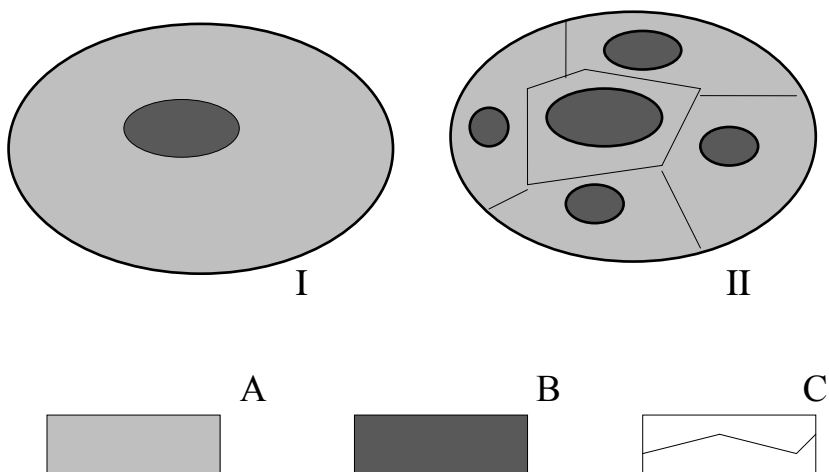
сглаживания пространственных диспропорций в локализации конкретных культурных явлений - **деполяризацией**. Причем, противодействие их в геокультурном процессе практически никогда не бывает равновесным: как правило, доминирует либо одна, либо другая тенденция (рис. 5), усиливая центростремительные проявления, рост геокультурной системности (при преобладании вектора поляризации) или, напротив, пространственную дезинтеграцию с последующим обособлением относительно самостоятельных культурных субрегионов.

Учет особенностей поляризации геокультурного пространства позволяет говорить о наличии *двух основных её моделей* (рис. 6), иллюстрирующих наиболее выраженные следствия доминанты данного процесса (или же, напротив, максимальные проявления деполяризации).

В первом случае наблюдается *чёткая культурная дифференциация «столицы» и всей остальной периферии* (наиболее яркие примеры в отечественной геокультурной истории - Московское царство XVI - XVII в.в. с безусловной культурной доминантой Москвы, Киевская Русь XI века).

Понятие «столицы», при этом, не обязательно исчерпывается каким-либо конкретным населённым местом. Как свидетельствуют геокультурные реалии, оно может объединять и два геогра-

фически дистанцированных, конкурирующих между собой за влияние на окружающую периферию, общесистемных центра (к примеру - Киев и Новгород в Киевской Руси, Санкт-Петербург и Москва в Российской Империи).

I - « столица » в пространстве; II - пространство « столиц »;
 A - « периферия »; B - « центр »; C - геокультурные границы

Рис. 6. Поляризация геокультурного пространства (основные принципиальные модели)

В развитых, сложноструктурированных геокультурных системах понятие « столиц » становится многоуровневым, распространяясь на всю расселенческую « вертикаль » с соответствующей

дифференциацией на локальные, региональные и «главную» столицы. Характернейшей чертой подобной модели является, таким образом, не столько наличие единого геокультурного центра, сколько проявление мощных многоаспектных культурных различий между «центральными» («столичными») и периферийными территориями, сопровождаемых кардинальной диверсификацией их функций в едином геокультурном пространстве.

Прямо противоположная ситуация характеризуется *функционированием* в геокультурном пространстве не одного или двух, а *множества культурных центров*, причем, роль общесистемного лидера (весьма относительная и достаточно недолговременная) попеременно переходит то к одному, то к другому из них (как это наблюдалось, к примеру, в период культурного и политического регионализма России XIII - XV в.в., когда на фоне отсутствия единого стабильного и общепризнанного «центра» происходило «возвышение» то Новгорода, то Владимира, то Твери, то Рязани, то Москвы и т.д.).

Важно, в этой связи, подчеркнуть, что приведенные примеры отражают крайние проявления поляризации (деполяризации). Наряду с ними геокультурная реальность являет также множество промежуточных (переходных) состояний.

В исследовании закономерностей поляризации важно учитывать *динамизм геокультурных центров*, обусловленный как особенностями и тенденциями ТОК, так и многоаспектностью самого понятия «центр», необходимостью систематического учета (при определении местоположения той или иной территории в системе отношений «центр-периферия») целого ряда дополнительных факторов.

В частности, развитие любой геокультурной системы сопровождается диффузией центров, причем уместна постановка вопроса как об иерархической (формирование, наряду с общесистемными, региональных и субрегиональных ядер поляризации), так и о функциональной диффузии (в последнем случае речь идет о «продвинутости» отдельных территорий в специфических видах деятельности). Так, к примеру, по уровню развития и «технологичности» в роли общероссийского центра агропромышленного производства выступает Краснодарский край, аналогичную роль в рекреации играет г. Сочи и т.п. В этой связи целесообразно различать интегральные и аспектные («отраслевые») геокультурные центры, дифференцируя подходы к анализу поляризованного геокультурного пространства в соответствии с направленностью исследований.

Возможность определения той или иной конкретной территории как геокультурного цен-

тра детерминирована и выбранным масштабом географического анализа. Сообразуясь с последним, в качестве «центра» можно с достаточным на то основанием рассматривать и «точечные» пространственные объекты (отдельные городские поселения), и локальные ареалы (городские агломерации), и регионы, и, даже, целые страны и их территориальные группировки.

Понятие геокультурного «центра» хронологически изменчиво, что в целом объясняется перманентными процессами формирования, развития и гибели различных культурно-территориальных образований (полагаем, именно данный фактор лежит в основе растянувшегося почти на три века переноса ядра русской культуры из Киева в Москву), глубинной реструктуризацией и территориальным саморазвитием отдельных геокультурных систем, вследствие чего общеевропейский «центр» последовательно перемещался из Северной Италии (XIV - XVI в.в.) в Голландию (XVII в.), в Англию (XVIII - XIX в. в.) и, наконец, в Германию (XX в.) [88], поэтапным (растянувшимся на многие столетия) становлением региональных (цивилизационных) и общепланетарной культурных целостностей.

Поляризация теснейшим образом взаимосвязана с другим, также геокультурным по сути своей явлением - с диффузией нововведений. Именно постоянная качественная трансформация

ядра за счет генерирования, внедрения и диффузии новшеств является (по Дж.Фридману) основной движущей силой, воспроизводящей систему отношений «центр-периферия». В этой связи весьма показательным положением Москвы в современной России, не только сохранившей свой особый социокультурный статус после распада СССР, но и увеличившей «отрыв» от остальных территорий благодаря функции эпицентра системных трансформаций, проводника рыночных преобразований.

Трансформационные процессы 90-х годов инициировали поляризационные тенденции, углубили (и прежде весьма значительные) диспропорции между Москвой (стремящейся самореализоваться в качестве «информационного супер-города»[56]) и российской провинцией (вывод Ю.Н. Гладкого[23] о противостоянии московского субэтноса остальным россиянам представляется, в этой связи, не только симптоматичным, но и вполне справедливым).

Подчеркнем, в этой связи, что разнообразные культурные инновации продуцируются не только центром, но и периферией (хотя в ядрах поляризации данный процесс протекает безусловно интенсивнее). Тем не менее, закономерности ТОК таковы, что в поляризованной культуросфере именно «центр» (и, в особенности, «центр центра») приобретает максимальные возможности для масштабной культурной экспансии. Данное обстоятельство (как, впрочем, и общая повышен-

ная восприимчивость «центра» к воздействию культурных инноваций) предопределяет потенции «центра» не только как генератора, но и как ретранслятора нововведений. В подобной ситуации функционирующие в рамках определенной геокультурной системы центры различных таксономических уровней и типов правомерно рассматривать как специфические пространственно-локализованные и иерархически упорядоченные, взаимодействующие между собой (а также и с окружающей периферией) каналы диффузии нововведений. Причем, позиции «центра» в геокультурном пространстве, сама возможность классифицировать определённую культурно-территориальную общность в подобном системно-значимом качестве в значительной мере зависят от его способности к распространению инновации на прилегающие территории.

3.3. Культурные инновации как «двигатель» и индикатор геокультурного процесса

Культурная (геокультурная) инновация относится к числу важнейших аспектов ТОК и, в этой связи, заслуживает самостоятельного рассмотрения наряду с феноменами культурного ре-

гионализма и поляризации. Её исключительная роль в формировании культуросферы фиксируется научным сознанием уже с конца прошлого столетия. Это проявилось, в частности, в становлении особого (диффузионистского) направления культурологии, изначально опиравшегося на географические (по существу, геокультурологические) подходы (Ф. Ратцель и др.). Интерес к территориальным особенностям и закономерностям распространения нововведений неизменно сохранялся и в последующий период, в том числе и в рамках собственно географической науки [12, 34], причём с конца 80-х годов данную проблематику (актуализировавшуюся в связи с активизацией трансформационных процессов в стране) начинают осваивать и российские учёные [28, 45 и др.].

Взаимоувязывая культурную инновацию с диффузионным процессом, нельзя не отметить, что будучи особым географическим явлением, культурная инновация имеет две взаимосвязанные стороны: глубинную (сущностную) и поверхностную. В последнем своём аспекте культурная инновация - не что иное, как процесс распространения какого-либо социокультурного явления в пределах определенного геопространства («диффузия нововведений» в стогом смысле данного словосочетания).

В своем предельно широком значении культурная инновация - это не только (и не столько)

собственно диффузия нововведений, сколько обусловленная взаимодействием и саморазвитием геокультурных систем различных таксономических уровней и типов спонтанная изменчивость ТОК. *Детерминируемая геокультурным процессом культурная инновация - это и важнейшая его составная часть, и наиболее верный индикатор, позволяющий судить о тенденциях в развитии и функционировании той или иной культурно-территориальной целостности, её местоположении в системе отношений «центр-периферия», территориальной структуре, особенностях включения в общерегиональные и глобальную культурные системы.*

Поскольку основополагающие причины культурной инновации кроются либо в саморазвитии любой конкретной геокультурной системы, либо в воздействии на последнюю иных геокультурных систем - целесообразно различать инновации «внутренние» и инновации «внешние», хотя, практически, разграничить данные явления зачастую весьма сложно. Так, в частности, распространение христианства и в целом инновационного комплекса византийской культуры в Киевской Руси (как географический процесс) практически тождественно уплотнению геокультурного каркаса, возрастанию общесистемной поляризованности на всех таксономических уровнях, тенденциям, определяемым циклическим саморазвитием

русской культуры (конкретной её пространственной формы).

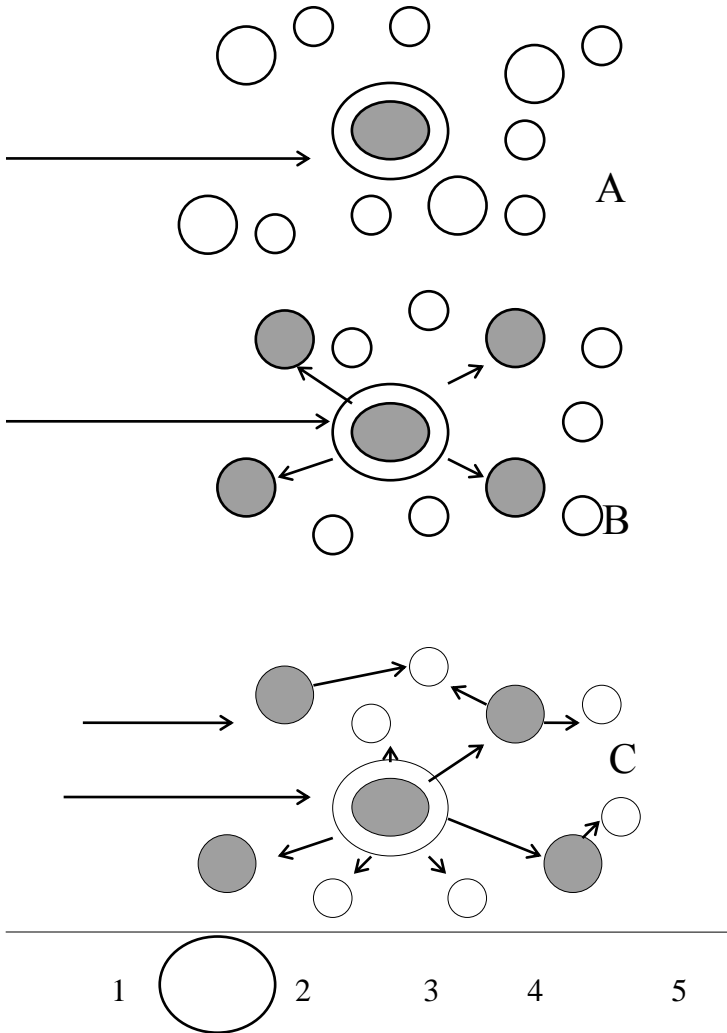
Аналогичным же образом, лишь при известной доле абстракции, расчленимы связанный со становлением современного географического инварианта русской культуры процесс её территориальной экспансии в Евразии и одномоментное восприятие ею комплекса евразийских культурных «черт». И аналогичные примеры можно приводить до бесконечности. В этой связи важно лишь подчеркнуть, что в стабильный, плавный, растянутый на столетия процесс саморазвития геокультурных феноменов эпизодически вторгаются различные инокультурные факторы, и последствия подобных инноваций зачастую столь велики (видоизменяется, в частности, не только содержательный компонент культуры, не только трансформируется адекватная последней территориальная структура, но и происходит кардинальная смена географических форм её бытия), что соответствующая проблематика требует самостоятельного, первостепенного внимания. В этой связи, в общем русле исследования культурных инноваций представляется важным определенное понятийно-категориальное дистанцирование внешних иноэтнических (инокультурных) воздействий (т. е. собственно культурных инноваций в традиционном их значении) от любых иных, обу-

словленных «внутренней» динамикой геокультурных изменений.

Конкретные географические проявления культурной инновации связаны с геокультурной поляризацией, общими тенденциями пространственного саморазвития культуросферы, продуцирующими спонтанное системообразование с соответствующим характером взаимодействия культурного «центра» и «периферии». Особо мощными, устойчивыми и значительными по своим территориальным следствиям являются инновации, обусловленные взаимосвязью разноуровневых систем, включением одной из них в другую на правах части и целого. Сама культурная инновация носит, при этом, не однонаправленный (хотя можно говорить и о векторе преимущественного распространения инновации), а двусторонний характер, видоизменяя не только «периферию», но и геокультурный «центр».

Рассматривая культурную инновацию как последовательный многостадийный геокультурный процесс (принципиальная его модель отражена на рис. 7, иллюстрирующем особенности включения в инновацию поляризованной территории), нельзя не подчеркнуть особую, опосредующую роль в ней культурной полупериферии, не только ретранслирующей инновацию на прилегающие территории, но и одновременно трансформирующей инокультурное воздействие, обо-

гашающей его собственной культурной традицией, адаптирующей к местным условиям и, тем самым, в целом благоприятствующей укоренению культурной инновации.

1 - преимущественное направление культурной инновации; 2 - общесистемный культурный центр («центр»); 3 - региональный центр («полупериферия»); 4 - прочие центры («периферия»); 5 - укоренённость инновации; А, В, С - стадии инновации

Рис. 7. Пространственное распространение культурной инновации

Если обратиться к примерам русской геокультурной истории, то во взаимосвязях Киевской Руси и Византии в качестве полупериферии первоначально выступала Болгария (IX - X в.в.), вследствие чего, в частности, мы и поныне пользуемся кириллицей, затем сам Киев (XI в.), а еще столетие спустя (по мере формирования разветвленного геокультурного каркаса и общего преобладания регионалистских тенденций) - отдельные региональные центры (преимущественно столицы удельных княжеств).

В целом сходную картину являет и обозначившаяся в конце XVII столетия западная культурная инновация. По мере ее укоренения ретрансляционно-адаптирующая функция, первоначально имманентная лишь Санкт-Петербургу (а чуть позже и Москве), перемещается и на более нижние «этажи» территориальной иерархии - в межрегиональные и региональные центры. Причем характерно, что последние к концу XX -го века все более активно ищут каналы самостоятельного выхода на инокультурные инновационные центры. Это с точностью воспроизводит ситуацию

XII - XIV в.в., свидетельствуя как о наличии определенного устойчивого алгоритма культурной инновации, так и об общем взаимодействии в ней двух противоположных тенденций: становления многоуровневой структуры репродукционно-адаптационных центров с одномоментным стремлением системы к «спрямлению» инновационных связей, вычленению «лишних» ее звеньев.

Культурная инновация в своей географической конкретике - это всегда изменение, причем изменение как объекта инокультурного воздействия, так и самого инновационного культурного комплекса. Любая образующая современную культуросферу культурная система - продукт многократного пространственного взаимодействия «традиционных» и инновационных её составляющих (последовательно протекающего в четырех основных стадиях: 1) преинновационной, практически подготовительной, связанной с фрагментарными культурными заимствованиями; 2) инновационной диффузии; 3) соразвития в определенном геопространстве новых и старых элементов; 4) адаптации инновационного комплекса к условиям конкретной геокультурной системы и, в свою очередь, обретения последней обновленной формы и содержания).

Возвращаясь к траектории русской культуры, отметим византийские истоки православия, многие годы являвшегося её своеобразным

«стержнем», привнесенность монголо-татарской инновацией военно-политических стереотипов Великой Степи, заимствование многих компонентов светской культуры у Запада. Все эти перечисленные её составляющие настолько плотно имплантированы в единый этнокультурный комплекс, настолько ему имманентны, что выявить их инокультурные «корни» можно лишь в ходе специального ретроспективного исследования.

В пределах своей, доступной анализу исследователя, истории русская культура испытала три основных инокультурных воздействия. Первое было вызвано постепенным (начиная с IX в.) вхождением древнерусской ГЭКС в византийскую культурно-территориальную систему в качестве её периферии и явило географическим своим результатом последовательное укоренение религиозно-культурного (христианского) инновационного комплекса, усиление общей поляризованности геопространства русской культуры, формирование разветвленного геокультурного каркаса. Данная инновация обозначилась как долговременная тенденция по достижении ГЭКС Византии стадии своей «зрелости» и сохраняла своё действие вплоть до момента её гибели (XV век).

Вторая инновационная «волна» (условно назовем ее монголо-татарской, хотя ее можно было бы именовать и евразийской), как и первая, была предопределена включением русской культуры в новую региональную культурную целостность (евразийский культурный ареал). Однако, если в случае византийской инновации речь шла об освоении культурной традиции уже сформировавшейся ГЭКС, то специфичность рассматриваемого процесса состояла в том, что воспринимающей евразийские культурные «черты»

русской культуре новую общерегиональную ГЭКС ещё только предстояло создать в ходе своего территориального развития. В этой связи евразийская инновация может быть условно расчленена на два своих специфических этапа.

Первый (с середины XIII до конца XV в.) - это непосредственное заимствование русской культурой генетического «материала», поведенческих стереотипов, традиций и т.п., т.е. по существу её адаптация к условиям евразийского культурного ареала. Поскольку в данный период русские княжества выступали в качестве геополитической провинции Золотой Орды, инновация распространялась «классически» из «центра» на «периферию». Однако уже с XVI века (когда, пройдя период становления, Великороссия вступила в фазу своего развития, последовательного освоения Евразии, что проявилось, в частности, в кардинальных сдвигах в размещении великорусского населения по регионам России, в расширении геополитических рубежей российского государства, а соответственно, и геопространства русской культуры) - ситуация принципиальным образом видоизменяется. Евразийская инновация сохраняет свое значение магистральной культууроформирующей тенденции, оказавшись, при этом, как бы в «тени» саморазвивающейся русской культуры. Последняя, выступая в роли доминантной региональной культуры, по мере включения в сферу своего влияния иноэтнических ГЭКС продолжала «впитывать» евразийские «черты», адаптируясь к разнообразию этнокультурных и природно-экономических условий.

Обозначившаяся со второй половины XX века тенденция оттока великороссов из иноэтнических территорий (Закавказье, Средняя Азия, Северный Кавказ, Калмыкия), последующее расчленение геопространства русской культуры границами новообразованных государств со всеми его негативными следствиями - позволяют полагать, что

стадия развития Великороссии в целом завершается, а «пик» территориального бытия русской культуры (пришедший на конец XIX - середину XX столетия), по видимому, уже пройден. Русская культура достигла своего предела в освоении Евразии (дальнейшей её экспансии препятствует саморазвитие равноуровневых геотноткультурных «конкурентов» - исламского мира, Китая, нарастающего своё «давление» Запада), сформировала устойчивую, охватывающую обширную территорию геоструктуру, т. е. фактически вступила в период своей «зрелости». При этом, с одной стороны, в целом близится к концу обусловленный расширением геопространства русской культуры 2-й этап евразийской инновации (последняя сохраняла свое значение культууроформирующей тенденции в течение почти восьми столетий), с другой - достигнутый Великороссией уровень географической сформированности (благоприятствующий ее функционированию в качестве инновационного «центра» регионального значения) на современной стадии в целом позволяет осуществить переход от преимущественно военно-политическим к преимущественно геокультурологическим принципам объединения Евразии. В этой связи весьма симптоматичны и распад СССР (евразийской геополитической целостности), и взаимосвязанная с ним определенная дистанцированность России от этнокультурных процессов за её пределами.

Третья «волна» проявилась с конца XVII века, когда важнейшим эпицентром инновационного воздействия становится западная цивилизация. Её влияние на геодинамику русской культуры (трансформацию территориальной структуры, наиболее явственно проявившейся в становлении нового общероссийского культурного центра - Санкт-Петербурга, формирование ранее несвойственных Великороссии культурно-территориальных комплексов - науки, светского образования и др.) определяется не только со-

циокультурной экспансивностью и некоторой общей «продвинутой», но и все более набирающими силу тенденциями формирования общепланетарной системы культуры. Включаясь в глобальные геопроцессы, русская культура вновь (как и тысячелетие назад в период расцвета Византии) обретает свойства периферийности, правда, на новом для неё «уровне» территориальной системности (не на региональном, а на общепланетарном).

В настоящее время сложно прогнозировать хронологические границы западной инновации. Прежде всего потому, что в данном случае, по-видимому, не совсем пригоден метод аналогии. Хотя воздействие предыдущих инновационных «волн» и сопоставимо по своей продолжительности (7 - 8 столетий), они обусловлены функционированием региональных культурно-территориальных целостностей. Судить же о цикле саморазвития общепланетарной геокультурной системы пока не представляется возможным. Последняя, кстати, все более эволюционирует от современной монополярной к многополярной модели, а следовательно, и сама инновация будет все в возрастающей мере видоизменять свое качество, приобретая поликультурный характер.

Процесс инокультурного воздействия (в большей либо меньшей мере - в зависимости от его интенсивности) всегда трансформирует имманентную культурной системе её территориальную форму, что наиболее зримо проявляется в переструктуризации геокультурного каркаса, становлении новых центров - общесистемных культурных доминант. Так, в частности, для русской культуры каждая новая культурная инновация была сопряжена с геокультурным (а соответственно,

и геополитическим) лидерством определенного города, «ядра» поляризованного геокультурного пространства: византийская - Киева, монголо-татарская - Москвы, западная - Санкт-Петербурга.

Характерно, при этом, что по мере своего укоренения инновационный культурный комплекс не только обретает адекватное ему новое содержание [88], но и географическую форму, все в возрастающей мере соответствующую территориальной структуре культурной системы, испытывающей воздействие инновации. Сказанное проиллюстрируем выявленными нами (в ходе специального исследования, проведённого совместно с С.Я. Суцим) тенденциями пространственно-временной динамики российской науки. Становление последней на русской культурной «почве» первоначально целиком сопряжено с западной инновационной «волной», и в этой связи на первой её стадии (в течение всего XVIII в.) научная деятельность преимущественно локализована в Санкт-Петербурге и в Москве - общесистемных ретрансляторах инновации. В дальнейшем (XIX в.) наблюдается не только пространственная диффузия науки, но и её переход в стадию саморазвития, все большего её соответствия системе русской культуры в целом (рост научного потенциала Москвы, региональных центров - Казани, Одессы, Киева, Харькова и др.). Данный процесс продолжается и в нашем столетии, характеризуясь пере-

носом «центра» российской науки из Санкт-Петербурга в Москву (с последующим гипертрофированным развитием её научно-исследовательских функций), а также формированием сложной, иерархически упорядоченной системы научных центров, охватывающей практически всю территорию бывшего СССР.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что культурная инновация неизменно характеризуется устойчивостью и относительной продолжительностью продуцирующего её межсистемного взаимодействия, масштабностью и глубиной территориальных последствий. В этом нам видится специфичность культурной инновации, её принципиальное качественное отличие от любых иных, также обусловленных геокультурной динамикой, фрагментарных культурных заимствований. Подмечая данное обстоятельство, заметим, также, что не всякая культурно-территориальная диффузия (диффузия нововведений) может оцениваться как собственно культурная инновация, в то время как последняя - всегда неизменно сопряжена (и иллюстрируется) диффузионными процессами.

Именно культурная инновация выступает в числе основополагающих причин (и одновременно - важнейших механизмов) становления и «расцвета» одних геокультурных систем и «досрочной» гибели других, динамичного, спонтанно обновляющегося географического лика культуро-

сферы. Она - своеобразный «локомотив» геокультурной истории, причем, как нам представляется, само изучение культурных инноваций в русле географической проблематики - важный «ключ» к пониманию особенностей и закономерностей ТОК.

Литература

1. Агафонов Н.Т. Задачи советской географии на новом этапе // Проблемы социальной географии СССР и зарубежных стран. Л.:ГО СССР, 1985.
2. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983.
3. Алаев Э. Б. Глобальные проблемы: ноосферный подход // Глобальные проблемы современности и комплексное землеведение. Л.:ГО СССР, 1988.
4. Анохин А. А. Вопросы теории общественно-территориального комплексобразования // Прикладная социальная география Калининградской области. Калининград: Калининградский ун-т, 1986.
5. Анненков В. В. Ноосферогенез: содержание, периодизация, противоречия // Известия АН СССР. Сер. географ. , 1989. № 2.
6. Анненков В.В. География и культурология // Известия АН. Серия географич. 1998. № 4.
7. Ахиезер А. С. Культура и экологическая проблема //Экология и культура: методологические аспекты. Ставрополь, 1982.

- 8.** Ахиезер А. С. Урбанизация и региональное разнообразие // *Мировая урбанизация: географические проблемы.* М.: МФГО СССР, 1989.
- 9.** Ахиезер А.С. Культура и пространственная динамика России // *Куда идёт Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства.* М. 1996.
- 10.** Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз, 1956.
- 11.** Баранский Н.Н. Научные принципы географии. М.: Мысль, 1980.
- 12.** Баттимер А. Путь в географию. М.: Прогресс, 1990
- 13.** Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. Учебное пособие. М. 1998.
- 14.** Белов А. А. Региональные политические культуры в географии Канады // *Известия ВГО.* Т. 111, вып. 6. 1983.
- 15.** Белоусов В. В. География подготовки кадров - составная часть экономической и социальной географии // *Социальная география СССР.* Л.:ГО СССР, 1984.
- 16.** Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.
- 17.** Бромлей Ю. В. О соотношении историко-культурных ареалов и цивилизаций // *Социология и проблемы социального развития.* М.: Наука, 1987.
- 18.** Веденин Ю. А., Середина Е. В. Роль культурного потенциала в региональном развитии // *География и проблемы регионального развития.* М., 1989.
- 19.** Веденин Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // *Известия АН СССР. Сер. геогр.* ,1990. № 1.
- 20.** Веденин Ю.А., Кулагин Т. И. Анализ отклоняющегося поведения для территориальной дифференциации культур // *Известия АН СССР. Сер. географич.,* 1994. № 2.

21. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. С.-Пб., 1997.
22. География сегодня. М.: Знание, 1984.
23. Гладкий Ю.Н. Москва в зеркале региональных социально-экономических патологий // Известия РГО. Т. 130. Вып. 4. 1998.
24. Глазовский Н.Ф. К формированию теории природопользования // Глобальные проблемы современности и комплексное земледование. Л.:ГО СССР, 1988.
25. Глэкен К. Дж. Поздний приход в науку // А. Баттимер. Путь в географию. М.: Прогресс, 1990.
26. Гольц Г. А. Географический подход к проблеме интенсификации социально-экономического развития // Известия ВГО. Т. 120., 1988. Вып. 1.
27. Гохман В.М. Роль идей Н.Н. Баранского в становлении советской экономической географии //Региональные проблемы развития социально-экономических пространственных систем. Тарту: Тартуский ун-т, 1981.
28. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.
29. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989.
30. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989.
31. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.
32. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л.: Советский писатель: Ленинград. отдел. , 1990.
33. Даринский А. В. Проблемы размещения учреждений культуры в СССР // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л.: ГО СССР, 1984.
34. Джонстон Р. Дж. География и географы. М.: Прогресс, 1987.

- 35.** Дмитриевский Ю.Д. Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап её решения) // География в школе. 1995. № 4.
- 36.** Дмитриевская Н.Ф., Дмитриевский Ю.Д. Проблемы инфраструктуры в новых направлениях экономической и социальной географии // Социально-экономические и экологические аспекты географии. Л.: ЛГУ, 1983.
- 37.** Дружинин А. Г. География культуры: теоретико-методологический аспект //Препринт научного доклада, Ростов-на-Дону: СКФГО СССР, 1989.
- 38.** Дружинин А. Г. Методологические основы географических исследований культуры// Известия ВГО. Т. 121. 1989. Вып. 1.
- 39.** Дружинин А. Г. География культуры: некоторые аспекты формирования нового научного направления // Известия ВГО. Т. 121. 1989, Вып. 4.
- 40.** Дружинин А. Г. Некоторые аспекты географической интерпретации концепции ноосферы // География и природные ресурсы, 1990. № 1.
- 41.** Дружинин А. Г. К вопросу о культуризации географической науки // Эколого-географические проблемы Северного Кавказа и Нижнего Дона. Ростов-на-Дону: из-во РГУ, 1990.
- 42.** Дружинин А. Г. Эколого-культурный анализ территориальных систем. Теория, опыт регионального исследования. Ростов-на-Дону: из-во РГУ. 1991.
- 43.** Дружинин А.Г. Территория и культура: приоритетные проблемы и основные направления геокультурных исследований // Территория и общество. Пермь: Пермский университет, 1993.

- 44.** Дружинин А.Г., Суший С.Я. География русской культуры: подходы к исследованию // Известия РГО. Т. 125. Вып. 6. 1993.
- 45.** Дружинин А.Г. Теоретико-методологические основы географических исследований культуры. Автореф. дисс. на соиск. учёной степени доктора географ. наук. Санкт-Петербург, 1995.
- 46.** Дружинин А.Г. Русский регионализм - явление в контексте геэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996, № 1.
- 47.** Дружинин А.Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999, № 3.
- 48.** Дружинин А.Г. Южно-российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы.// Научная мысль Кавказа. 1999, № 4.
- 49.** Жекулин В. С. О структурных уровнях организации географической науки // География в системе наук. Л.: Наука, 1987.
- 50.** Исаченко А. Г. Оптимизация природной среды (географический аспект). М., 1980.
- 51.** Исаченко А. Г. География на перепутье: уроки прошлого и пути перестройки//Известия ВГО. Т. 122, 1990. Вып. 2.
- 52.** Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социо-культурной географии // Вопросы географии. М. 1947.
- 53.** Калмуцкая Э. И. География потребления. Черновцы: Черновицкий ун-т, 1980.
- 54.** Козлов В. И. Этнос и территория // Советская этнография. 1971. № 6.

- 55.** Колосов В. А. Территориально-политическая организация общества // Автореф. дисс. на соиск. учён. степени доктора геогр. наук. М., 1992.
- 56.** Колосов В.А., Вендина О.И., Бородулина Н.А., Середина Е.В., Фёдоров Д.Р., Климанов В.В. Создание новой предпринимательской среды в Москве: основные тенденции и противоречия // Известия АН. Серия географич. 1998. № 5.
- 57.** Коробейников А.М. Оценка социальной эффективности территориальных общественных систем Пермской области // Территориальные социально-экономические системы Урала. Пермь: Пермский ун-т, 1988.
- 58.** Котляков В. М. Географическая наука на пороге 90-х годов // Изв. АН СССР. Сер. геогр. ,1990. № 4.
- 59.** Криндач А.Д. Конфессиональное пространство современной России // Известия АН. Сер. географич. 1996, № 4.
- 60.** Кузнецов Н.Т. Феномен "Восток-Запад" и возможный географо-социологический парадокс // Известия АН СССР. Сер. географич.,1990. № 5.
- 61.** Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII - XX века (геокультурный аспект). М.: Институт Наследия, 1998.
- 62.** Лавров С.Б. Становление социальной географии: мнимые противоречия и реальные проблемы // Социальная география Калининградской области. Калининград: КГУ, 1982.
- 63.** Лавров С. Б. Структура географической науки: прошлые споры и современные позиции // География в системе наук. Л.: Наука, 1987.
- 64.** Лавров С.Б. Геополитика: возрождение запретного направления // Известия РГО. Т.125. Вып. 4. 1993.
- 65.** Листенгурт Ф.М., Покшишевский В. В. География населения: некоторые современные тенденции развития //

Вопросы географии, 1974.

66. Максаковский В.П. Географическая культура: учебное пособие для студентов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998.

67. Межевич Н.М. География и изучение межнациональных отношений //Изв. ВГО, Т. 122, вып. 6. 1990.

68. Межуев В.М. Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира. Л.: Наука, 1990.

69. Мересте У. И., Ныммик С. Я. Современная география: вопросы, теории. М.: Мысль, 1984.

70. Москальков С.П. Географические аспекты распространения русского языка в СССР // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1990. № 3.

71. Неидзе В.Е. География спорта: предмет и задачи исследования // Известия АН СССР. Сер. геогр. ,1984. № 4.

72. Николаенко Д.В. Морфология социо-культурных образований // Культура народов Причерноморья. 1998, № 2.

73. Николаенко Д.В. Пространственно-временная динамика процессов социо-культурного освоения территорий. Автореф. дисс. на соиск. учёной степени доктора географ. наук. Санкт-Петербург, 1999.

74. Охрана ландшафтов. Толковый словарь / Отв. ред. Преображенский В. С. М.: Прогресс, 1982.

75. Пивоваров Ю.Г. Глобальная урбанизация и Россия на пороге 21 века. Антропокультурный подход. // Известия АН. Серия географич. 1996. № 4.

76. Половицкая М.Е. География научных исследований в США. М.: Мысль. 1977.

77. Полян В. М., Трейвиш А.И. Центрографический метод исследования территориальных структур: проблемы развития и применения //Известия АН СССР. Сер. геогр., 1990. № 2.

- 78.** Поярков Б. В., Милашевич В. В. Концепция географических основ природопользования // Географические основы рационального природопользования. М.: Наука, 1987.
- 79.** Райтвийр Т. В. Социогеографическое исследование образа жизни и его элементов (на примере Эстонской ССР) // Автореф. канд. дисс., Тарту, 1975.
- 80.** Райх Е.Л. Пути развития географических аспектов экологии человека // Перспективы географии, М.: Мысль, 1976.
- 81.** Рывкина Р. В. Экономическая культура как память общества // ЭКО, 1989. № 1.
- 82.** Саушкин Ю.Г. К изучению ландшафтов СССР, измененных в процессе производства // Вопросы географии. 1951. № 24.
- 83.** Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: Госиздат. 1928.
- 84.** Смидович С. Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. № 4.
- 85.** Социальные показатели образа жизни советского общества. М.: Наука, 1980.
- 86.** Сухоруков В.Д. Цивилизация как предмет географического анализа // Известия РГО. 1997. Т. 129. Вып.3.
- 87.** Сухоруков В.Д. Макроструктурные параметры геопространственных систем (экономическое, социальное и политическое измерение). Автореф. дисс. на соиск. учёной степени доктора географ. наук. Санкт-Петербург, 1999.
- 88.** Суший С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: из-во СКНЦВШ, 1994.
- 89.** Суший С.Я. Атлас русской культуры XII - XVI в.в. Ростов-на-Дону: из-во СКНЦВШ. 1998.

- 90.** Теребихин Н.М. Социальная география Русского севера (религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры). Архангельск. 1993.
- 91.** Философские мысли натуралиста. В. И. Вернадский. М.: Наука, 1988.
- 92.** Фролов И. Т. Перспективы человека. М.: Наука. 1983.
- 93.** Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10.
- 94.** Хорев Б. С. Новое научное направление - изучение патологии урбанизационных процессов (по материалам двух международных конференций) // География и природные ресурсы. 1989. № 1.
- 95.** Хорев Б. С. Региональная политика в СССР. М.: Мысль. 1989.
- 96.** Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география: новый этап. Л.: Наука, 1990.
- 97.** Шарыгин М.Д. Социальная эффективность развития территориальных социально-экономических систем в СССР // Социально-экономические и экологические аспекты географии. Л.: из-во ЛГУ, 1983.
- 98.** Швец Г. И. Перспективы интеграции в географии и построение ноосферы // Известия ВГО. Т. 120. Вып. 2. 1988.
- 99.** Швец Г. И. От эволюции ландшафта к коэволюции природно-хозяйственных систем // Известия ВГО. Т. 122. 1990. Вып. 5. С. 415-419.
- 100.** Шупер В.А. О природе импульсов территориального развития // Известия АН. Сер. географич. 1998. № 4.
- 101.** Этносоциальные проблемы города. М.: Наука, 1986.
- 102.** Ягья В. С. Становление и развитие политической географии в Советском Союзе. // География, политика, культура. Л.: Наука, 1990.

- 103.** Gastil R. D. Cultural Region of the United States University of Washington Press. Scettel an London, 1975
- 104.** Gesler W.M. The cultural geography of health care delivery// Geogr.,1987, vol. 86. N1.
- 105.** Gradmann R. Das laddliche Siedlungswesen der Komi-greichs Wurttembergs// Forschungen rur Deutschen Landes und Volkskunde , 1931. vol. 21.
- 106.** Gregory D. Ideology, Social Science and Human Geography. St. I Martin's Press. N. Y. 1979.
- 107.** Hann E. Die Wirtschefts Formen der Erde// Petermany Mitteilungen , 1892. vol. 38.
- 108.** Ley D. Cultural /humanistic/ geography // Pr-gr. Hum. Geogr. 1 1983. vol. 7. N2.
- 109.** Marsh G.P. Man and Natur or Physical Geography as Modilied by Humen Action. New York: Seridner, 1864.
- 110.** Meltzen A. Geschichte, Theorie und Technik der Statis-fics. Berlin: Hertz, 1886.
- 111.** Meltzen A. Sledlung und Agrarwesen der Westgârmanen und Ost-germanen der Kelten, Romer, Finnen und Slawån, vols und atlas. Berlin: Hertz, 1895.
- 112.** Mikesell M.W. Tradition and Innovation in cultural Geo-graphy // Annaly of the Association of American Geographers, 1978, vol. 68. N1.
- 113.** Murphy A.B. Perfifirhing as a response to cultural conflict //Geogr. Perseret ., 1985. n. 55.
- 114.** Norton W. The meaning of culture In cultural geography an appraisal // I. Geogr. 1984. vol. 83. N4. p. 145-148.
- 115.** Ratzel F. Anthropogeographic, vol. 2: dic. geographische Verdreitung des Menschen. Stuttgart: Engelnorm, 1891.
- 116.** Sauer C.O. Recent Developments in Cultural Geography in Hays E.G. ed. Recent Developments in the Social Science. Philadelphia : Lirrincoff, 1927.
- 117.** Sauer C.O. Aggricultural origins and dispersaly. N. Y.,

1952.

118. Sivignon M. A propos de geographic culturelle // Espace ge-ogr., 1981. vol. 10. N4.

119. Sorre M. Le fodements de la geographic humain , 3 voly Paris : Colln, 1974-1952.

120. Wagner P.Z. Sport: culture and geography// Zud. Stud. Geogr. 1981. vol. 13. N 48

121. Zelinsky W. The cultural Geography of the United States. Englewod Clitts. N. L. Prentice-Halls, 1973.

Научное издание

Александр Георгиевич Дружинин

**Теоретические основы
географии культуры**

Книга представлена в авторской редакции

Издательство Северо-Кавказского научного центра

высшей школы
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140